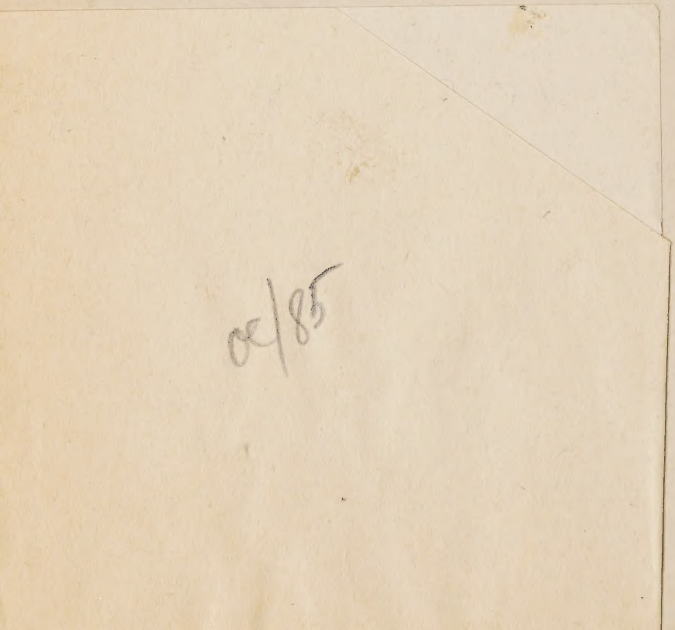
DK551
.L84
1917

П. К. ЛУКОМСКІЙ

СТАРЫЙ ПЕТЕРБУРГЪ

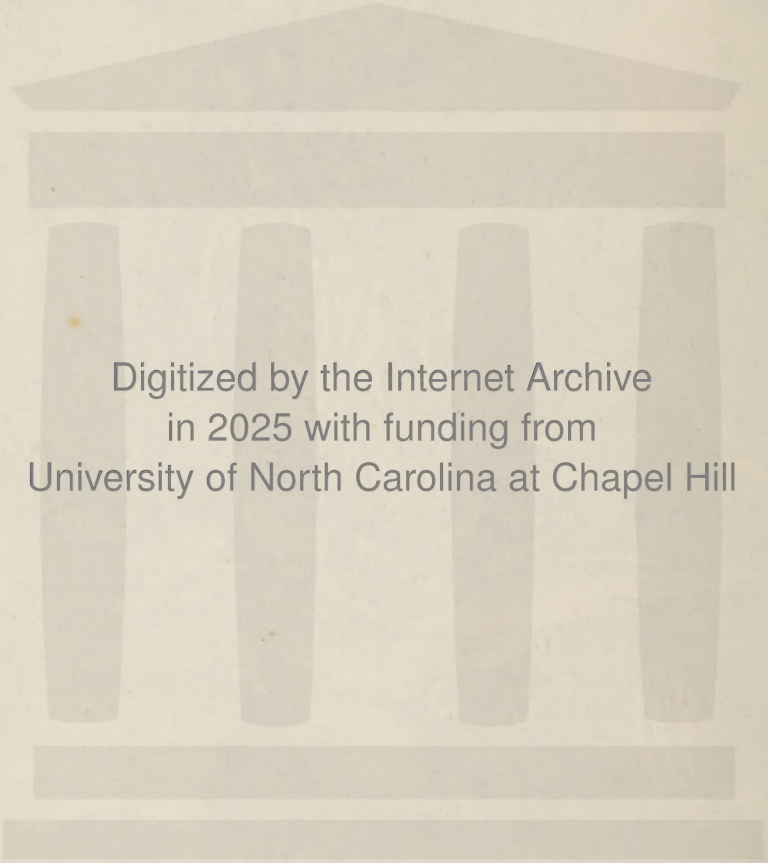
ИЗД-ВО
СВОБОДНОЕ ИСКУССТВО



oc/85

00005817556

UNIVERSITY OF NORTH CAROLINA
PROPERTY
Library
AT CHAPEL HILL


Digitized by the Internet Archive
in 2025 with funding from
University of North Carolina at Chapel Hill

https://archive.org/details/starypeterburgpr00luko

DK551
.L84
1913

Г. К. ЛУКОМСКІЙ.

СТАРЫЙ ПЕТЕРБУРГЪ.

ПРОГУЛКИ ПО СТАРИННЫМЪ КВАРТАЛАМЪ.

Stary Peterburg

Изданіе второе.

Издательство
«Свободное Искусство».
ПЕТРОГРАДЪ.

Иллюстраціи отпечатаны
въ художественно-графическомъ заведеніи
«У Н І О НЪ».
Текстъ напечатанъ
въ Государственной Типографіи.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

За послѣдніе лѣтъ десять возникъ, если далеко еще не полный энтузіазма, интересъ къ красотѣ Петербурга, то все-таки художественный и археологическій интересъ.

Однако, эпоха безразличія къ облику града Св. Петра, продолжавшаяся съ 1850-хъ годовъ почти по 1900-ые, не могла не отразиться пагубно на самомъ видѣ столицы.

И Петербургъ 20 — 30-хъ годовъ, столь восторженно воспѣваемый современниками, нынѣ уже совсѣмъ не тотъ!

Почти вовсе нѣтъ тѣхъ обширныхъ, цѣльныхъ ensemble'ей; совершенно нѣтъ того единства зданій, улицъ и всѣхъ атрибутовъ уличныхъ—вывѣсокъ, фонарей, мостовъ, что были прежде.

Лишь отдѣльныя зданія выдѣляются теперь среди массы современныхъ, иногда красивыхъ, но и тогда не гармонирующихъ съ физіономіей Петербурга Александровскаго и Екатерининскаго, а чаще совсѣмъ нелѣпыхъ и безвкусныхъ построекъ.

Многія реликвіи старины и искусства близки къ разрушенію, нѣкоторыя погибаютъ, а иныхъ ужъ нѣтъ...

Безпощадно новая струя жизни съ ея современными строительными потребностями въ доходныхъ домахъ, — струя, не считающаяся ни съ красотою, ни съ завѣтами прошлаго, ни съ гордостью

столицы и достояніемъ всей націи,—разрушаетъ на своемъ пути маленькіе, уютные особнячки. Нерѣдко новыя сооруженія губятъ и лучшія, крупнѣйшія творенія мастеровъ Александровой эпохи.

Однако, обереганіемъ послѣднихъ, т.-е. зданій офиціальныхъ, крупныхъ, извѣстныхъ, какъ никакъ, но, все-таки, заняты многія спеціальныя лица, цѣлыя общества. И хотя не вѣрится слуху о сломкѣ Конногвардейскаго манежа, но, вѣдь, испортили Михайловскій дворецъ, снесли Синявинскую гауптвахту, исчезъ Сальный буянъ, сломали Строгановскую дачу, и сколько отличныхъ доходныхъ домовъ и притомъ на самомъ видномъ мѣстѣ города (напр., на углу Невскаго и М. Морской)!

Но не въ изобличеніи всѣхъ этихъ явленій будетъ главная тема и главная цѣль нашего очерка.

Если уничтожены десятки образцовыхъ старинныхъ построекъ Петербурга за 10—15 лѣтъ, то снесены или безвозвратно погублены передѣлкою сотни такихъ «уголковъ», такихъ отдѣльныхъ частей построекъ (входы, навѣсы, дворы, ограды, ворота, балконы, лѣстницы, павильоны, росписи, печи, двери), о которыхъ никто и не пожалѣетъ при ихъ уничтоженіи, а пройдетъ лѣтъ пять—и забудутъ всѣ о томъ, что они когда-то существовали!

Отмѣтить хотя бы нѣкоторыя изъ этихъ исчезнувшихъ, исчезающихъ или готовящихся къ сломкѣ построекъ—вотъ наша задача.

Попутно, конечно, мы отмѣтимъ и тѣ общіе виды и ensemble'и, которые погибли и которые случайно лишь удалось предусмотрительному фотографу снять въ свое время, закрѣпляя тѣмъ потомству видъ той или иной улицы или набережной, въ такомъ состояніи, въ какомъ онѣ были до послѣдовавшей позже передѣлки.

Но въ какой же мѣрѣ возможно это представленіе «старыхъ уголковъ» Петербурга, имѣя въ виду изданіе этой, популярной сравнительно, маленькой книжечки? Что, казалось намъ вначалѣ, можно высказать, а тѣмъ болѣе подчеркнуть, тенденціозно обличить, какъ можно вызвать чувство досады и сожалѣнія у читателя,—помощью только 100—120-ти иллюстрацій, тогда какъ для того, чтобы представить убѣдительный мартирологъ всего погибшаго, надо, по крайней мѣрѣ, 700—800 иллюстрацій!

Поэтому мы поставили себѣ цѣлью: въ видѣ прогулокъ по Старому Петербургу, отмѣтить лишь наиболѣе показательное или красивое, что уцѣлѣло лишь случаемъ, исчезаетъ или уже исчезло, и въ области именно наименѣе извѣстныхъ уголковъ и построекъ столицы эпохи Екатерины, Павла, Александра...

Конечно, наряду съ этимъ общимъ обзоромъ старины будутъ вскрыты малоизвѣстные не только уголки, но и трущобы стараго города, т.-е. не только дворцы, павильоны и мосты, но и дворы особнячковъ гдѣ-нибудь за Нарвскими воротами, бесѣдки и мосты, погибающіе на Черной рѣчкѣ, и т. п.

Именно этимъ хотѣлось подчеркнуть, что не только общеизвѣстные и общепризнанные chef d'oeuvre'ы архитектуры дороги должны быть всякому любящему старину Петербурга, но красивы, цѣнны могутъ быть и разбросанные на отдаленныхъ окраинахъ, часто застроенные и заслоненные отъ взгляда проходящаго по улицѣ громадами доходныхъ домовъ,—подъѣзды, аркады дворовъ, бесѣдки. Скорѣе, даже, первые менѣе нуждаются въ томъ, чтобы о нихъ говорили. На виду находящіеся—они и такъ, до нѣкоторой степени, опекаемы. А вотъ эти, очутившіяся гдѣ-либо на задворкахъ фабрики или затиснутыя новыми домами, детали Стараго Петербурга—обелиски, столбы, колодцы, фонтаны,

сфинксы, подъѣздные пилоны, фонари у парадныхъ навѣсовъ—заслуживаютъ въ особенности того, чтобы быть снятыми, зарисованными.

Вѣдь, участь ихъ предрѣшена, дни ихъ сочтены...

Итакъ, пройдя сначала по пышнымъ кварталамъ Милліонной и Сергіевской улицъ и коснувшись здѣсь еще существующаго, мы уйдемъ къ отдаленнымъ линіямъ Васильевскаго острова, къ ротамъ Измайловскаго полка, загляднемъ на Охту.

А если и остановимся у Смольнаго монастыря, у Казанскаго собора, у Арсенала на Литейномъ проспектѣ или у Академіи Художествъ, то лишь для того, чтобы снять въ первомъ—ограду какъ разъ съ глухой стороны монастыря, во второмъ—рѣшетку собора такъ, какъ она едва ли всѣмъ представляется, на Литейномъ — для того, чтобы вспомнить, какъ выглядѣлъ Старый Арсеналъ, и у Академіи—чтобы помечтать о томъ, какою была она еще недавно со статуей Минервы на куполѣ...

Любители старины петербургской, архитекторы, историки искусствъ, изслѣдователи плановъ Петербурга, знатоки каждой пяди земли нашей столицы, все-таки, едва ли замѣтили многія прекрасныя детали. А если и замѣтили нѣкоторые, то, вѣрно, число такихъ лицъ очень ограничено (Алекс. Бенуа, И. Фоминъ, П. Вейнеръ, В. Курбатовъ, Н. Лансере, А. Гаушъ), а другіе если и замѣтили, то съ подобающей ли художественной точки зрѣнія? Не больше ли занимала ихъ исторія, топографія и анекдотика, связанныя съ тѣмъ или инымъ мѣстомъ (П. Столпянскій), а не чистая, непосредственная, безкорыстная и не напичканная литературщиной повѣрій и историческихъ догадокъ красивость?

Конечно, труды такихъ знатоковъ Стараго Петербурга, какъ Столпянскій или Курбатовъ, исчерпываютъ все-таки и затроги-

ваемый нами матеріалъ. Никто не оспариваетъ у нихъ даже пальмы первенства «открытія» тѣхъ или иныхъ фресокъ, печей, рѣшетокъ и фонарей, тѣмъ болѣе мы вовсе не собираемся состязаться въ изложеніи съ П. Н. Столпянскимъ, обнаруживающимъ удивительную эрудицію событій, датъ построекъ и деталей въ описаніи помѣщеній.

Нашъ очеркъ старины петербургской, главнымъ образомъ, показательный, т.-е. иллюстративный, основывается совсѣмъ на другихъ данныхъ, лежитъ на другой плоскости, а потому путь его и ведетъ совсѣмъ къ другой цѣли.

Если труды Пыляева, Божерянова, Грабаря, Столпянскаго, Фомина и частью Курбатова направлены были на то, чтобы пролить свѣтъ на исторію архитектуры Петербурга, чтобы выяснить имена тѣхъ или иныхъ, неизвѣстныхъ или мало извѣстныхъ широкой публикѣ, зодчихъ, наконецъ, просто подобрать по стилямъ, по эпохамъ или областямъ сооруженія Петербурга, крупнѣйшія и наиболѣе художественныя, то наша цѣль просто обратить вниманіе публики (однако, внѣ непремѣннаго стремленія добиться популярности) на затрогиваемыя сооруженія «Стараго Петербурга». Конечно, не для избранныхъ цѣнителей и знатоковъ этотъ очеркъ; многіе изъ такихъ сами знаютъ уже и по другимъ книгамъ могутъ увидѣть, узнать о существованіи интересныхъ и мало извѣстныхъ или, наоборотъ, очень извѣстныхъ, на виду находящихся, но просто какъ-то незамѣчаемыхъ (глазъ притупился, приглядѣлось), «обхаживаемыхъ» равнодушно мимо и потому недостаточно цѣнимыхъ, построекъ. Не беремъ мы на себя ни роли guide'а, ни роли ученаго ментора-знатока, ни щеголяющаго знаніемъ тонкостей историческихъ фактовъ гурмана науки о Старомъ Петербургѣ. Наша задача,— и если она будетъ достигнута, мы будемъ чувствовать себя уже

вполнѣ удовлетворенными,—во-первыхъ, тѣмъ изъ лицъ, которыя уже немного заинтересовались старипой Петербурга и знаютъ его частью, дать новый матеріалъ подъ новымъ угломъ зрѣнія, во-вторыхъ, лицу, только на время узнавшему Петербургъ и затѣмъ, быть можетъ, покидающему его, дать памятку о понравившемся ему городѣ, нѣсколько типичныхъ картинокъ, и, въ-третьихъ, помощью опубликованія уголковъ неизвѣстныхъ привлечь къ нимъ вниманіе любителей. А, въ общемъ, подчеркиваніемъ былого показать, каковъ былъ Петербургъ еще недавно, когда, напримѣръ, существовалъ Большой Театръ, когда стояли львы у Адмиралтейства, и ограда съ рѣшеткой отдѣляли его отъ всего города, когда кипѣла торговая жизнь у Стараго Гостинаго Двора.

Конечно, попутно выясняются и вандализмъ, и передѣлки, и измѣненія. Въ одну изъ задачъ, несомнѣнно, входило и показаніе ужаса передѣлокъ и печальнаго состоянія многихъ зданій.

Но, конечно, еще цѣльнѣе бы было проведеніе параллели между тѣмъ Петербургомъ, который былъ и который намъ виденъ теперь.

Къ сожалѣнію, съ одной стороны, препятствіемъ такому намѣренію нашему было отсутствіе фотографій ранѣе 70—80 годовъ. И тѣ намъ удалось найти лишь случайно.

Картины же мастеровъ первой половины XIX вѣка, конечно, могли бы быть взяты какъ матеріалъ для сравненія, но, во-первыхъ, онѣ, какъ нѣсколько фантастично и почти панегирично изображающія, не годятся для документальнаго сравненія. Ужъ очень плачевной получается картина современнаго Петербурга и царственной и нездѣшней совсѣмъ—на полотнахъ, а, во-вторыхъ, не со-

впадаютъ «точки»: какъ-разъ не уцѣлѣли тѣ, что изображали Петербургъ дней Александровыхъ.

Наконецъ, такой методъ альбома, дающаго параллели былого Петербурга и Современнаго Петрограда, осуществимъ скорѣе въ какомъ-либо спеціальномъ изданіи.

Въ соотвѣтствіи съ упомянутымъ, переходя къ содержанію, мы изберемъ слѣдующія отдѣльныя темы: Старый Петербургъ въ быломъ и современномъ видѣ, Старый Петербургъ погибшій и сохранившійся, Старый Петербургъ уходящій, исчезающій. Подчеркиваніе же вандализмовъ и печальнаго состоянія старины Петербургской будетъ попутнымъ.

Въ дополненіе къ сказаннымъ даннымъ присоединимъ еще то, что для характеристики Стараго Петербурга, отношенія къ нему и пониманія его красоты въ прежнія времена мы считали если не необходимымъ, то все же очень желательнымъ приведеніе нѣкоторыхъ выдержекъ изъ авторовъ о Старомъ Петербургѣ. Богдановъ, изд. Рубаномъ (1799), Георги (Описаніе Петербурга — 1794), Реймерсъ (1805), Гречъ (1851), Бурьяновъ (1838), Свиньинъ (1816—1822), Пушкаревъ (1839), Мюллеръ (1814), Божеряновъ (1903), Петровъ (Исторія Петербурга—1885), Пыляевъ (1887), изъ описателей Петербурга—Пушкинъ, Достоевскій, Тургеневъ, Гончаровъ даютъ обильный матеріалъ для приведенія примѣровъ искусствопониманія, или безвкусія и даже полной атрофіи пониманія и чувства красоты Стараго Петербурга. Но и здѣсь, какъ и въ большой публикѣ, монументальныя, грандіозныя сооруженія, пожалуй, признаны, и не къ нимъ, помощью выдержекъ изъ книгъ, хочется привлечь вниманіе читателя. Даже панорама А. Н. Батуцкаго и «Достопамятности Петербурга» П. П. Свиньина—такъ же, какъ и

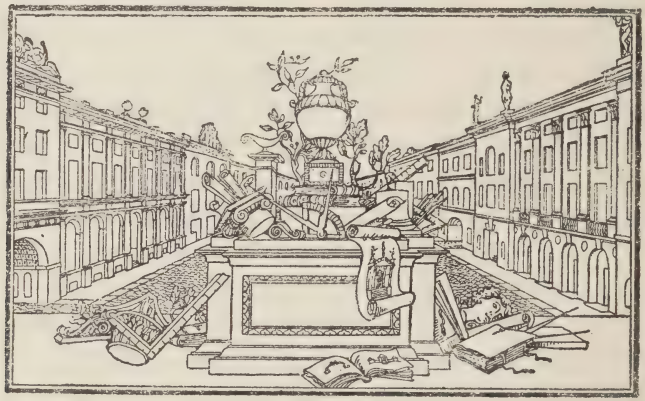
«Прогулки» Бурьянова—касаются все же Петербурга большого, офиціальнаго.

Наконецъ, такъ какъ намъ хочется обратить вниманіе читателя на малозамѣтныя, но быстро исчезающія постройки второстепеннаго архитектурно-художественнаго значенія, — то мы разобьемъ нашъ обзоръ старины на прогулки не порайонно, а въ зависимости отъ отдѣльныхъ типовъ построекъ.

Въ одной главѣ всецѣло обратимъ наше вниманіе на особняки, въ другой—на гостиные дворы Петербурга, въ третьей — на мосты и рѣшетки и т. д.

Нельзя забыть также часто очень цѣнныхъ украшеній домовъ: отдѣльнаго фриза, наличника окна или двери.

Конечно, рѣдко, гдѣ уцѣлѣли лучшія изъ такихъ деталей, но все же есть много интересныхъ.



ГЛАВА ПЕРВАЯ.

ОТНОШЕНІЕ СОВРЕМЕННИКОВЪ КЪ СТАРОМУ ПЕТЕРБУРГУ.

О, дивный градъ, о, чудо свѣта,
Тебя волшебникъ созидалъ,
Кто воспоетъ тебя достойно,
О, градъ Великаго Петра,
Великолѣпный, дивно-стройный,..
Романовскій.

Гуляя въ бѣлыя ночи, когда на улицахъ столицы такъ пустынно и дремлютъ берега Невы, вы любовались красотой дворцовъ, особняковъ и зданій государственныхъ, достойно оцѣненныхъ всего лѣтъ десять?

Вы видѣли іюньской ночью, какъ хороши особенно лимонные и ярко-желтые фасады на фонѣ неба сине-сиреневаго цвѣта?

Томоновская храмоподобная Биржа, Адмиралтейская игла съ горящимъ циферблатомъ, Штабъ съ торжественною колесницею, Сенатъ, Академія Художествъ, соборы, дворцы, казармы...

Многіе мастера слова въ стихахъ и прозѣ воспѣли красоту архитектурнаго пейзажа столицы.

Еще большее число художниковъ изображали Петербургъ. Пикаръ и Зубовъ, Махаевъ, Петерсенъ и Воробьевъ, братья Черепцовы, Алексѣевъ, Садовниковъ и многіе другіе оставили намъ всякія изображенія столицы: цѣлыя длинныя панорамы, многолистные альбомы, прекрасныя гравюры, тонкія акварели, подцвѣченныя литографіи.

Но, начиная съ 40-ыхъ годовъ и почти до конца XIX столѣтія, Петербургъ постепенно теряетъ симпатіи, вѣроятно, не безъ повода: появляется возрожденіе любви къ русской, живописной, несимметричной старинѣ, поэтому всякій классицизмъ, вообще, канонъ кажется скучнымъ.

И лишь за послѣднее время, лѣтъ тридцать, съ тѣхъ поръ, какъ Тургеневъ отозвался столь недоброжелательно о Петербургѣ,—замѣтенъ сталъ поворотъ въ оцѣнкѣ красоты столицы.

Теперь почти всѣ уже восторгаются красотою многихъ сооруженій, общими видами, готовы встать даже на защиту тѣхъ или иныхъ строеній.

И невозможенъ уже (хотя еще мыслимъ: раздаются же время отъ времени слухи о томъ, что собираются что-то снести; значитъ, есть же люди, которые такъ думаютъ) случай, подобный сломкѣ почти до основанія Большого Театра!

Вѣдь, еще не такъ давно, сравнительно, снесли Старый Гостиный Дворъ на Васильевскомъ островѣ...

Но не этотъ, сравнительно оцѣненный уже снова по достоинству и оберегаемый, полный величія, торжественности и строгости Петербургъ передъ нами.

Быть можетъ, онъ нуждается уже не въ полной защитѣ, а скорѣе въ поддержкѣ, въ большемъ о немъ попеченіи, въ ремонтѣ тщательномъ и неослабномъ вниманіи. А вотъ тѣ уголки Стараго Петербурга, на которые поднимется еще рука вандала и съ легкостью поднимется и которые не защититъ почти никто или защититъ, да безплодно,—ибо власть не станетъ безпокоиться о такихъ на ея взглядъ ничтожныхъ памятникахъ—такіе уголки, по нашему мнѣнію, заслуживаютъ особенно того, чтобы ихъ не только оберегать, но они нуждаются и въ иллюстративномъ представленіи, и вообще въ напоминаніи о нихъ. Тѣмъ болѣе, что исчезаютъ эти уголки старины, и даже сейчасъ въ тихое время строительства—въ огромномъ количествѣ! Пожары, передѣлки, нелѣпые ремонты искажаютъ видъ многихъ славныхъ деревянныхъ домиковъ. Убираютъ подъѣздные фонари, тумбы, заборы, ворота. Исчезаютъ многія милыя детали быта и художественнаго украшенія улицы.

Въ самомъ дѣлѣ, какъ рѣдко теперь встрѣтите вы уцѣлѣвшіе фонари, вывѣски, скамейки, навѣсы, двери, створки воротъ.

Дворы съ колодцами, погребами, лѣстницы съ каменными, прорѣзашными арками-устоями для ступеней, деревянные флигеля съ палисадниками передъ ними, часто пустынными теперь. И рѣдко когда обозрѣватель старины петербургской заглянетъ въ эти дворы на Мѣщанской, Гороховой, на Загородномъ и Подъяческихъ, на Казанской и Демидовомъ, на Офицерской и Фонарномъ.

Особенно большое количество сооруженій было уничтожено и деталей испорчено въ 1890—1910 годахъ. Дѣло въ томъ, что, «кажется, на всемъ свѣтѣ нѣтъ города, который пользовался бы меньшей симпатіей, чѣмъ Петербургъ», говорилъ еще въ 1902 году Александръ Бенуа. И вотъ за это время несимпатіи къ Петербургу и погублено много цѣннаго, именно, для петербургскаго «архитектурнаго пейзажа». Конечно, монументальныя сооруженія, кромѣ нѣсколькихъ, уцѣлѣли. Вотъ развѣ что перекрашены неправильно нѣкоторые фасады. Но зато исчезли въ огромномъ числѣ, именно, прелестные милые особнячки, простые, но характерные дома съ гладкими и благородными фасадами. А они-то, между тѣмъ, и давали общій видъ многимъ улицамъ, обрамляли собою не одну площадь. Съ другой стороны новые, очень рѣдко хорошіе, чаще аляповатые дома врѣзались въ ensemble и убили его прелесть. Къ сожалѣнію, не только признаніе, но часто и поощреніе возбуждали петербургскія зданія.

«Нѣкоторое однообразіе построекъ объясняется тѣмъ, что немного было фасадовъ и плановъ утвержденныхъ, по которымъ позволялось вообще возводить новыя постройки. Тѣ же ограниченія существовали и для ихъ окраски, почти исключительно принятъ былъ блѣдно-желтый цвѣтъ для самыхъ корпусовъ съ бѣлымъ для фронтоновъ колоннъ, пилястровъ и фрезей. Поэтому, цѣлыя, даже главныя улицы имѣли какой-то казарменный видъ—наружность улицъ и площадей утомляла своимъ однообразіемъ».

Такъ писалъ Пржецлавскій о Петербургѣ еще въ 1820 годахъ. И вотъ что знаменательно, тѣми же или почти тѣми словами охарактеризовалъ Петербургъ И. С. Тургеневъ въ 70-хъ годахъ. А, вѣдь, голосъ Тургенева не былъ и не могъ быть единичнымъ!

«Любопытно,—говоритъ Бенуа,—что мнѣніе о безобразіи Петербурга настолько укоренилось въ нашемъ обществѣ, что никто изъ художниковъ послѣднихъ 50-ти лѣтъ не пожелалъ пользоваться имъ, очевидно, пренебрегая этимъ «неживописнымъ», «казеннымъ», «холоднымъ» городомъ».

«Въ настоящее время (въ 1902 г.) можно найти немало художниковъ, занятыхъ Москвою и умѣющихъ, дѣйствительно, передать красоту и характеръ ея. Но нѣтъ ни одного, кто пожелалъ бы обратить серьезное вниманіе на Петербургъ» (позже появились такіе художники: частью они-то и содѣйствовали измѣненію взгляда на Петербургъ). «Вѣроятно, виною этому 50 и 60-ые годы... За Петербургъ никто изъ большихъ поэтовъ второй половины XIX вѣка не заступался».

Вотъ такое-то отрицательное отношеніе къ красотѣ Петербурга и содѣйствовало тому, что мало оберегались зданія казенныя и церковныя. А уже что говорить объ общественныхъ, тѣмъ болѣе частно-владѣльческихъ: имъ попросту вовсе не придавали никакого значенія.

Ничего страннаго, что при такомъ отношеніи снесены были цѣлые кварталы, а лишь отдѣльные уголки, большіе торговые склады, амбары, да небольшіе домики сохранились.

Правда, не такъ отрицательно отнеслась къ постройкамъ Петербурга большая часть писателей, но, въ сущности, какъ и что понимали всѣ они въ архитектурной красотѣ, если одинъ изъ наиболѣе интеллигентныхъ писателей—Тургеневъ—не шелъ въ своемъ описаніи Петербурга дальше чисто внѣшнихъ зрительныхъ впечатлѣній? Достоевскій былъ проникновеннѣе и онъ любилъ Петербургъ, но его вдохновляли скорѣе темныя бытовыя стороны жизни, ящикоподобные доходные дома.

Геній Пушкина, конечно, объялъ сразу всю красоту столицы, и онъ опредѣленно доказалъ огромное и талантливое проникновеніе безупречною чистотою архитектурныхъ линій, гордостью и импозантностью общихъ массъ, видовъ и памятниковъ. Весь «Мѣдный Всадникъ» — въ сущности сплошной гимнъ Граду Св. Петра: какое знаніе лучшихъ точекъ зрѣнія на зданія, какой тонкій вкусовой выборъ этихъ зданій!

«Любопытно, что въ близкій, сравнительно, періодъ къ Петру и въ такія времена, когда все чисто русское не понималось и даже презиралось, Петербургъ былъ окруженъ цѣлымъ культомъ поклоненія, тогда его любили и хвалили. Вспомните Оды къ «Сѣверной Пальмирѣ» XVIII и нач. XIX в.в., а еще лучше посмотрите всѣ гравюры, рисунки и картины мастеровъ Елизаветинскаго, Екатерининскаго и Александровскаго времени. Эти «маленькіе» художники, воспитанники Петербургской Академіи, выросшіе въ такихъ же неудобныхъ для произрастанія условіяхъ, какъ и насажденные на Финскомъ болотѣ чахлые садики, изъ деревьевъ, свезенныхъ за сотни верстъ, они оказались истинными дѣтьми своего суроваго родного города, въ ихъ скромныхъ произведеніяхъ этотъ городъ отразился съ удивительной правдой, точностью и даже поэзіей».

Въ «проспектахъ» Махаева, несмотря на ремесленность фактуры, уже есть та торжественная сановитость, тотъ холодный, бодрый морской воздухъ, которые являются отличительными признаками Петербурга.

«Алексѣеву удалось передать влажность атмосферы, тусклый, чисто сѣверный солнечный свѣтъ, освѣщающій, но не грѣющій петербургскіе фасады. И Ивановъ и Щедринъ съ особенной прелестью передали, одинъ въ своихъ акваряхъ, другой въ гравюрахъ и картинахъ, болѣзненную красоту нашихъ парковъ

и садовъ. Наконецъ, окончательно безпритязательные Галактіоновъ и Мартыновъ сказали въ своихъ иногда очень убого, но всегда съ большимъ чувствомъ исполненныхъ литографіяхъ, акварелях и гравюрахъ—всю неизъяснимую прелесть Петербурга, прелесть его безконечныхъ улицъ, скучныхъ площадей, огромныхъ зданій, въ особенности же прекрасно они выразили пустынность Невы, фантастическую грандіозность и красоту ея, чудные эффекты бѣлыхъ ночей, прелестные виды на острова, у Смольнаго. Тѣ же темы, но съ большимъ техническимъ совершенствомъ повторяли еще въ 20-ыхъ годахъ М. Воробьевъ и Александръ Брюлловъ. Въ 20-ыхъ годахъ въ качествѣ «петербургскихъ» живописцевъ можно еще назвать братьевъ Чернецовыхъ, а затѣмъ наступаетъ, вплоть до нашихъ дней, полное молчаніе, если не считать слащавыхъ картинъ Лагоріо и невозможныхъ олеографій Айвазовскаго».

«Намъ казалось бы, что теперь должно было наступить возрожденіе художественнаго отношенія къ заброшенному Петербургу. Еще темы, даваемыя художникамъ этимъ удивительнымъ городомъ, далеко не исчерпаны, тѣмъ болѣе, что то, что дѣлали вышеназванные мастера начала XIX вѣка, вѣдь, только намеки. Хотѣлось бы, чтобы художники полюбили Петербургъ и, освятивъ, выдвинувъ его красоту, тѣмъ самымъ спасли его отъ гибели, остановили варварское искаженіе его, оградили бы его красоту отъ посягательства грубыхъ невѣждъ, обращающихся съ нимъ съ такимъ невѣроятнымъ пренебреженіемъ, скорѣе всего потому только, что не находится протестующаго голоса, голоса запрета, голоса восторга. Петербургъ—казармы, канцелярія,—потому не стоитъ его щадить. Мы же, напротивъ того, не устанемъ твердить, что Петербургъ удивительный городъ, имѣющій себѣ мало подобныхъ по красотѣ».

Вотъ какое воззваніе было выпущено въ 1902 году группой лицъ, работавшихъ въ журналѣ «Міръ Искусства».

Съ тѣхъ поръ многое перемѣнилось. Многочисленныя статьи въ «Старыхъ Годахъ» и «Аполлонѣ», отдѣльныя изданія, спеціальный музей «Старый Петербургъ», работы Остроумовой, Лансере «закрѣпили» многіе уголки Петербургской стороны.

Говоря о литературѣ, приходится отмѣтить, что все-таки то, что говорится у Пушкина, какъ и у другихъ поэтовъ, относится къ Петербургу общеизвѣстному, къ дворцамъ и лучшимъ правительственнымъ зданіямъ.

И Романовскій, и Ремерсъ, и тѣмъ болѣе авторы, посвящавшіе свои труды монархамъ и высочайшимъ особамъ по долгу вѣжливости и согласно общепринятому тону, не скупились на эпитеты при восхваленіи Петербурга. И, пожалуй, одинъ лишь Пушкаревъ касается не только соборовъ и дворцовъ, но говоритъ и о тихихъ дачныхъ уголкахъ и о набережныхъ съ пакгаузами:

«Наружный видъ Петербурга хорошъ вообще, но съ Приморской стороны очарователенъ. Вы сами убѣдитесь въ этомъ, когда, проведя лѣтній день въ садахъ Петергофа, захотите возвратиться въ столицу водою. Медленно приближаясь сюда, вы можете болѣе получаса любоваться прелестнѣйшей картиной. Передъ вами возстаютъ, будто изъ волнъ, прибрежныя зданія, Гавань, чернѣющій лѣсъ Екатерингофа и, по мѣрѣ приближенія вашего, виды постепенно измѣняются, красиво отражаясь на зеркальной поверхности водъ, озаренной пурпуровымъ свѣтомъ угасающей вечерней зари. Но при въѣздѣ съ Московскаго тракта Петербургъ не производитъ столь сильнаго впечатлѣнія, къ какому, можетъ статься, вы приготовлялись, живши въ губерніи и наслышавшись о великолѣпіи Сѣверной Пальмиры. Зато въѣздъ съ Нарвскаго тракта вполнѣ

достоенъ Русской Столицы: длинная довольно широкая аллея петергофской дороги, не уступающая аллеѣ Елисейскихъ полей въ Парижѣ (sic!) и превосходящая изяществомъ Лондонскую Naw Road, ведетъ васъ въ городъ.

Прелестныя загородныя дачи съ своими фантастическими жилищами украшаютъ боковыя аллеи, воздухъ освѣжается ароматной зеленью садовъ, и глаза ваши, скользя по разнообразнымъ домикамъ, останавливаются напослѣдокъ на тріумфальныхъ воротахъ. Вниманіе ваше привлекаютъ эти колоссальные рыцари, торжественная колесница, несущая богиню побѣдъ. Вы стараетесь прочитать надписи и не чувствуете, какъ шлагбаумъ упалъ и вы очутились уже въ самомъ городѣ.

Петербургъ, разсматриваемый со стороны характеристической, представляетъ теперь четыре, какъ бы отдѣльныхъ, города: военный, торговый, столичный и губернскій.

Желаете ли убѣдиться, войдите въ одну изъ угольныхъ башенокъ Петропавловской крѣпости и посвятите нѣсколько минутъ наблюденіямъ. Изъ одного окна, обращеннаго къ Адмиралтейству, вы увидите пышную, великолѣпную столицу; изъ другого,—къ Биржѣ,—деревья мачтъ, иностранные разноцвѣтные флаги, суетливыхъ маклеровъ, груды товаровъ, многочисленное собраніе купцовъ, услышите даже шумъ спорящихъ партій и унылые напѣвы Santa Maria задумчиво сидящаго на палубѣ шкипера—развѣ это не торговый городъ; изъ третьяго,—къ Петербургской сторонѣ,—рисуются передъ вами скромные, деревянные домики, полусокрытые въ зелени садовъ, огороды и видите крестьянина, лѣниво пробирающагося на своей тощей лошадкѣ... Наконецъ, изъ четвертаго,—къ самой крѣпости,—пушки, мортиры, ядра, размѣренные шаги часового, какую-то суровую тишину, прерываемую

изрѣдка глухимъ залпомъ ружья, смѣною или перекличкою стражи. Вотъ главныя характеристическія черты Петербурга».

По мнѣнію Пушкарева, оно такъ и было въ 30-хъ годахъ XIX столѣтія,—всѣ эти четыре элемента распредѣлены были равномѣрно въ столицѣ. Теперь, конечно, не то. На первый взглядъ всякая идиллическая простота отошла на далекія окраины. А въ городѣ осталось лишь монотонное, однаковое, городское. Но все-таки и сейчасъ еще можно выискать много интимнаго въ уголкахъ Стараго Петербурга... А эти-то уголки впервые за все время стали отмѣчать пока только въ живописи вышеупомянутые мастера.

Гостиный Дворъ, Крюковъ каналъ, Тучковъ Буянъ и т. п. сюжеты,—до сихъ поръ не воспѣвавшіеся. А между тѣмъ, часто, именно, въ такихъ уголкахъ заключено было столько типичнаго, привлекательнаго и цѣннаго! Такіе уголки сохранились и донынѣ кое-гдѣ на Фонтанкѣ, въ Ротахъ и неожиданно въ самомъ центрѣ города во дворахъ, въ глубинѣ участковъ. Но чей взглядъ проникалъ сюда?

Исаакій, Штабъ, Зимній Дворецъ, Музей Александра III,—вотъ обычная программа осмотровъ не только пріѣзжаго съ экскурсіей либо случайнаго иностранца, но подчасъ и проживающаго здѣсь подолгу любителя старины петербургской.

Однако, полное изученіе художественнаго быта, вкусовъ, эстетики и вообще той атмосферы, въ которой зарождалось и пышно расцвѣтало все прекрасное Стараго Петербурга,—возможно съ особенной легкостью въ этихъ кварталахъ, быть можетъ, лучше многихъ другихъ аккуратно содержимыхъ зданій: уголки эти крѣпче хранятъ ту жизнь быта и искусства минувшихъ временъ, которая не можетъ быть перенесена ни въ какіе музеи.

Мы повторимъ здѣсь все то, что говорили о «Старомъ Парижѣ», такъ какъ сходство въ этомъ смыслѣ не двухъ этихъ городовъ, а старины ихъ и вѣрнѣе положенія старины относительно современнаго строительства — чрезвычайное: «наконецъ, помимо того, что памятники архитектурной старины могутъ быть разсматриваемы съ исторической, археологической и архитектурно-художественной стороны, почти всегда можно выискать въ нихъ и особенную, интимную, характерную интересность: не красоту правильную и гармоническую, а красивость утонченную и своеобразную, которая заложена въ какомъ-либо уголкѣ зданія, въ массѣ построекъ или въ ихъ сочетаніи.

Выискиваніе такой красивости, заложенной иногда въ самомъ простомъ ампирномъ флигелькѣ, полукруглой террасѣ изъ бѣлыхъ колоннъ, увитыхъ зеленью, и составляло, собственно, то наслажденіе, которое помогало намъ видѣть многое, что равнодушно миновала толпа. Поэтому-то не офиціальная красота извѣстныхъ зданій, а построекъ, окруженныхъ жизнью эпохи, сильнѣе побуждала насъ проникнуться ихъ прелестью».

Правда, и красота большихъ перспективъ и классическихъ своею красотою дворцовъ Петербурга служила не разъ предметомъ восторженныхъ отзывовъ.

Вспомнимъ хотя бы нѣсколько наивныя, но типичныя, полныя пафоса слова Бурьянова: «и сколько прекраснѣйшихъ улицъ, и всѣ онѣ великолѣпно, красиво, изящно обстроены рядами огромныхъ каменныхъ домовъ! Какія набережныя—по Невѣ Дворцовая и Англійская; какіе каналы прямые, широкіе, одѣтые гранитомъ, обшизанные узорными чугунными рѣшетками».

«Итакъ, мы очутились близъ Зимняго Дворца и Адмиралтейства, на прекрасномъ Адмиралтейскомъ бульварѣ, благоухающемъ

ароматами цвѣтущихъ липъ и окаймляющихъ съ трехъ сторонъ зданіе Адмиралтейства, величественное, красивое, съ ярко-вызолоченнымъ шпицомъ; оно съ четвертой стороны омывается водами Невы. У самаго спуска, съ правой стороны, стоятъ двѣ великолѣпныя вазы и два большихъ бронзовыхъ льва. По обѣимъ окончностямъ бульвара, на главномъ фасѣ его, который обращенъ на Адмиралтейскую площадь, двѣ мраморныя статуи: одна Флора, другая Геркулеса».

Такъ же, какъ въ началѣ XIX столѣтія, нѣсколько экзальтированные описатели красоты петербургской и художники, изображавшіе площади и дворцы, содѣйствовали немало развитію и въ публикѣ любви къ столицѣ, такъ и послѣ эпохи охлажденія къ Петербургу, ознаменовавшейся и въ литературѣ скептическимъ отношеніемъ къ красотѣ Петербурга, въ современномъ просвѣтлѣніи взгляда на столицу Петра и Александра—немалую роль сыграли и писатели, и особенно художники и художественные дѣятели.

«Лансере первый началъ рисовать Петербургъ (послѣ неудачно изображавшаго его конфектно-безличными акварелями Беггрова),—говоритъ С. Маковскій,—проникаясь поэзіей его старой архитектуры, угадывая красоту, бившую сквозь уродливыя измѣненія и добавленія современности. И вслѣдъ за нимъ многіе художники, мечтая о прошломъ, стали смотрѣть другими глазами на улицы и зданія, воспѣтыя когда-то Пушкинымъ и долго съ тѣхъ поръ не вызывавшія никакихъ художническихъ настроеній.

Современники Пушкина любили эстетику Петербурга. Можно судить объ этомъ по количеству старыхъ гравюръ и литографій съ изображеніемъ его главнѣйшихъ построекъ и памятниковъ, его широкихъ площадей, царственной Невы, пестрящей грузовыми барками, садовъ»...

А. Трубниковъ въ статьѣ о Томонѣ, строителѣ Биржи, говоритъ:

«Восторженно описываютъ современники Александровъ Петербургъ. И, дѣйствительно, если по старымъ планамъ и гравюрамъ воображеніемъ возсоздать его, онъ явится замапчивымъ видѣніемъ; XVIII вѣкъ оставилъ Петербургу въ наслѣдіе великолѣпные дворцы. Александровское время украсило его простымъ, величавымъ Empire. У сиией рѣки, у Невы, Нимфы нѣжной и божественной, Петербургъ былъ нарядный городъ. Его новые дома, съ бѣлыми колоннами, тонко оштукатуренными фризами, искусно исполненными и умѣло выбѣленными барельефами, были красиво выкрашены въ мягкіе тона: блѣдно-зеленый, лимонный, въ свѣтло-сѣрый. Они казались фарфоровыми или деликатно вырѣзанными изъ тонкаго картона. И, правда, ихъ декорація была хрупкая, какъ фарфоръ, недолговѣчная, какъ картонъ. Было много поэзіи; романтическая эпоха сказалась и на городѣ Александра. Поэтично бѣлѣли античные фронтоны, изукрашенные героическими доспѣхами, въ темной зелени, свѣтлой, прозрачной ночью».

«Раньше, чѣмъ возникла мысль о серьезномъ изученіи Стараго Петербурга», раньше, чѣмъ сорганизовались общества защиты его архитектурныхъ памятниковъ отъ вандализмовъ городского самоуправства,—художники «Міра Искусства» стали рисовать его былую красоту, уцѣлѣвшую мѣстами отъ посяганія людей и времени. Началъ Е. Е. Лансере, вскорѣ затѣмъ появились прекрасныя ксилографіи А. П. Остроумовой; Александръ Бенуа занялся иллюстраціей «Мѣднаго Всадника», Кардовскій изобразилъ Старый Петербургъ въ изданіи «Невскій Проспектъ». Къ этой темѣ, но только больше отклоняясь къ Новому Петербургу, подошелъ и Добужинскій.

И вотъ, что знаменательно. Въ то время, какъ казалось, что на всемъ свѣтѣ нѣтъ города, который пользовался бы меньшей симпатіей, нежели Петербургъ,—какихъ онъ только ни заслужилъ эпитетовъ: «гнилое болото», «безличный», «чиновничій департаментъ», «полковая канцелярія»—въ это же время находятся борцы, которые смѣло стремятся разбить это ложно установившееся мнѣніе.

«Я никогда не могъ согласиться со всѣмъ этимъ,—заявилъ Александръ Бенуа,—и долженъ, напротивъ того, сознаться, что люблю Петербургъ и даже, наоборотъ, нахожу въ немъ массу совершенно своеобразной, лично ему только присущей, прелести».

Какая смѣлость нужна была тогда, чтобы произнести эти слова!

А теперь? Прошло 12—15 лѣтъ, и никто не нашелъ бы нужнымъ высказывать такія, теперь почти всѣми раздѣляемыя, сужденія. Далѣе въ этой же знаменательной, долженствующей быть признанной своего рода манифестомъ, статьѣ «Живописный Петербургъ» Ал. Бенуа подкрѣпляетъ правильность своего мнѣнія сравненіемъ Петербурга съ Москвой, причемъ старается умалить художественную цѣнность общаго вида послѣдней, указывая на нелѣпость его.

«Совсѣмъ другое Петербургъ»,—продолжаетъ онъ.

И вотъ здѣсь начинается самая сильная часть рѣчи «адвоката» Стараго Петербурга.

«Онъ, если красивъ, то именно въ цѣломъ или, вѣрнѣе, огромными кусками, большими ensemble'ями, широкими панорамами, выдержанными въ извѣстномъ тонѣ—чопорномъ, но прекрасномъ и величественномъ. Всѣ эти картины не очень веселы. Если сравнить виды Петербурга съ нѣкоторыми видами Парижа,—то

невольно явится на умъ сравненіе строгаго римскаго сенатора съ восхитительной греческой вакханкой. Но, вѣдь, и въ римскомъ сенаторѣ не меньше красоты, не меньше обаянія, нежели въ вакханкѣ, иначе бы римскій сенаторъ не покорилъ весь міръ и ту же самую вакханку. Въ Петербургѣ есть именно тотъ же римскій жесткій духъ, духъ порядка (къ сожалѣнію, не теперь!!), духъ формально совершенной жизни, несносный для общаго россійскаго разгильдяйства (къ сожалѣнію, и сюда оно забралось), но, безспорно, не лишенный прелести».

Далѣе Бенуа приводитъ для большаго убѣжденія въ томъ, что Петербургъ, дѣйствительно, красивъ, сравненіе даже съ Берлиномъ, со стремленіемъ, конечно, очернить физіономію этого Фридриховскаго города:

«Попробуйте выйти изъ состоянія петербургскаго автомата, бросьте также на минуту пріѣвшіяся и безтолковыя жалобы на гниль, на скуку, посмотрите-ка со стороны, и все же не уходя отъ жизни Петербурга, на эту его жизнь, на его физіономію—и вамъ Петербургъ покажется страшнымъ, безжалостнымъ, но и прекраснымъ, я настаиваю, обаятельнымъ: какимъ-то каменнымъ, въ одно и то же время чудовищнымъ и плѣнительнымъ колоссомъ».

Вотъ какія горячія слова увѣщеванія, какія сравненія понадобились для того, чтобы убѣдить читателя 1902 года въ томъ, что, право, Петербургъ (главнымъ образомъ, «Старый Петербургъ»)—красивъ!

Но благодаря тому, что «Старый Петербургъ» нашелъ такого талантливаго защитника въ лицѣ Бенуа, теперь уже не приходится такъ «убѣждать», когда рѣчь идетъ о лучшихъ зданіяхъ «Стараго Петербурга» (хотя есть еще зоилы и безвкусные тупицы, кото-

рыхъ ничѣмъ не проймешь и которые до сихъ поръ будутъ повторять, что Сенатъ—«казарма» и т. д.).

Но если не понадобится ужъ болѣе защищать официальный, общепризнанный Петербургъ, то все же уголки «Стараго Петербурга», интимные «дворики и деревянные особнячки»—очень и очень нуждаются еще въ защитѣ отъ посягательства на ихъ существованіе, а слѣдовательно, и нуждаются въ разъясненіи публикѣ, что и эти атрибуты и детали старины петербургской—пусть второстепенные,—если нужны не такъ же, какъ первоклассныя сооруженія, то нужны для цѣльности общей картины, нужны, какъ хористы, какъ музыканты, какъ статисты, нужны въ общей постановкѣ оперы.

И пора торопиться. Еще пять, десять лѣтъ, и мало что уцѣлѣетъ отъ этой «милой старинки». Вѣдь, еще въ 1902 году (и если за лучшія постройки можно было такъ опасаться, то какова же судьба занятыхъ трактирами и извозчичьими дворами прежнихъ особнячковъ!) Бенуа писалъ: «Слѣдуетъ, впрочемъ, замѣтить, что за послѣднее время обликъ этого генія (Петербурга) сталъ нѣсколько портиться»...

«Петербургъ за послѣднія пятьдесятъ лѣтъ не тотъ, чѣмъ былъ прежде. Онъ какъ-то повеселѣлъ, не къ лицу помолодѣлъ—и даже начинаетъ теперь мало-по-малу походить на моветоннаго франта (притомъ за послѣдніе годы, добавимъ, очень нечистоплотнаго франта). Положимъ, «большія линіи» покамѣстъ остаются, Нева по-прежнему несетъ свои полныя воды, по-прежнему унило высится Петропавловскій шпиль, по-прежнему въ огромныхъ стеклахъ Зимняго Дворца отражается блеклая заря бѣлыхъ ночей, по-прежнему тоскливо прекрасна площадь Главнаго Штаба, по-прежнему лѣпятся громады Биржи, Академіи Наукъ, Исаакія,

Сената, Адмиралтейства, но вокругъ всего этого Рима и Вавилона растетъ какая-то подозрительная трава съ веселенькими цвѣточками: воздвигаются какіе-то огромные дома съ пріятными роскошными фасадами, открываются залитые свѣтомъ магазины, наполненные всякой мишурной дрянью, происходитъ что-то неладное, что-то даже прямо неприличное.

Нѣсколько лучшихъ сооруженій и вовсе исчезло за это время... На мѣстѣ Томоновскаго Большого Театра вдругъ явилась чудовищная постройка, состоящая изъ полдюжины «фасадовъ», строгій, совершенно римскій по линіямъ и пропорціямъ Маріинскій театръ не захотѣлъ отставать отъ своего сосѣда и одѣлся въ шутовской нарядъ, такъ называемый Deutsche Renaissance. Грандіозная площадь Михайловскаго замка застроилась безобразнѣйшими павильонами, чопорная Михайловская площадь совершенно утратила свою физіономію и можетъ теперь гордиться тѣмъ, что на ней воздвигнутъ самый безобразный во всемъ Петербургѣ «подъѣздъ», ежегодно исчезаютъ цѣлыми десятками прелестные особнячки Александровскаго и Екатерининскаго времени, перестраиваются въ огромные и роскошные доходные дома или, что еще хуже, только заново отдѣлываются всякой дешевкой, омерзительными лѣпными украшеніями».

Возвращаясь къ вопросу о цѣльности впечатлѣнія, производимаго Старымъ Петербургомъ, конечно, приходится согласиться съ тѣмъ мнѣніемъ, что цѣльность эта зависѣла отъ одновременности построенія лучшихъ зданій и отъ простора, предоставленнаго мастерамъ-строителямъ. Но все-таки не менѣе важно теперь для поддержанія цѣльности этой картины обереганіе всякихъ атрибутовъ общей картины.

Здѣсь мы приближаемся къ больному вопросу о сохраненіи и поддержаніи вида «Стараго Петербурга» и его отдѣльныхъ

частей, такъ какъ это «поддержаніе» находится на очень низкой ступени развитія и часто ни въ чемъ не выражается, кромѣ гибели этой старины или порчи ея, въ лучшемъ случаѣ,—то, слѣдовательно, мы подходимъ къ тому, что именуется особымъ словомъ «вандализмъ».

Сколько писано въ журналахъ и газетахъ, сколько говорено въ засѣданіяхъ на эту тему, а возможность этихъ вандализмовъ остается все та же.

Изуродовали Михайловскій дворецъ, Главный Штабъ (куполомъ библіотеки), снесли десятки хорошихъ особняковъ и доходныхъ домовъ, уничтожили два — три моста (Пантелеймоновскій, Египетскій), передѣлали фасады (Константиновскаго училища, Технологическаго Института, Вольно-Экономическаго Общества), но этими нѣсколькими, болѣе крупными примѣрами не исчерпывается вандализмъ 1900—1915 годовъ. Перечислить всѣ ихъ невозможно...

Да и не въ этомъ наша задача. Коснувшись вандализмовъ, мы хотѣли только отмѣтить то, что если еще недавно возможна была безслѣдная сноска цѣликомъ стариннаго зданія, то теперь уже едва ли это было бы допустимо. Во всякомъ случаѣ, даже имѣющее сравнительно небольшое художественное значеніе зданіе прежде, чѣмъ оно будетъ разрушено, подвергнется подробному «обснятію» фотографа, и лучшія детали его плафоновъ или дверей и печей собраны будутъ въ Музей «Стараго Петербурга». Но для укрѣпленія въ большой публикѣ болѣе устойчиваго и яснаго взгляда на цѣнность старины архитектурной и этой мѣры все же будетъ недостаточно.

И хотя для науки, для исторіи эта мѣра очень хороша, но для публики пройдетъ незамѣтнымъ и такое почтительное отноше-

ніе къ остаткамъ разрушеннаго зданія, какъ хотя бы къ «Воронихинской дачѣ», къ счастью, подробно въ деталяхъ представленной въ Музеѣ. Подумаетъ эта публика, что просто увлекающіеся люди (мало ли чѣмъ ни увлекаются?)—эти собиратели старины, и попрежнему будетъ она ломать, передѣлывать и перекрашивать свои доходные дома и особняки...

Здѣсь нужно особенное, настойчивое долбленіе, повтореніе все той же истины, что къ старинѣ надо относиться какъ можно бережливѣе и что хотя всѣ эти второстепенныя постройки менѣе важны, чѣмъ первоклассныя, но все-таки и онѣ характеризуютъ эпоху, стиль и время, когда любили Россію не меньше, чѣмъ теперь или въ до-Петровское время.

Надѣемся, что нашъ путь иллюстративнаго, подобраннаго представленія будетъ достаточно подходящимъ для характеристики современнаго отношенія къ старинѣ Петербурга. Здѣсь можно будетъ увидѣть и устыдиться за погибшія зданія, пожалѣть объ испорченныхъ и полюбить уцѣлѣвшіе милые остатки былой цвѣтущей эпохи, когда люди умѣли и хотѣли красиво строить все, что имъ приходилось строить: и дворецъ, и церковь, и доходный домъ, и особнякъ, и мостъ, и ворота, и сарай, и бесѣдку.

Словомъ, мы хотимъ, чтобы эти листки подтвердили то, что нынѣ уже, хотя и въ небольшой группѣ людей, интересующихся искусствомъ, но все-таки *признаютъ*: «люди цѣнили когда-то хорошія пропорціи, изящныя детали, благородную осанку и симпатичную физіономію строеній».

Въ прогулкахъ нашихъ по уголкамъ «Стараго Петербурга» мы уславливались не преслѣдовать какой-нибудь строгой систематики въ обзорѣ «остатковъ» или хорошо сохранившихся, но просто мало обращающихъ на себя вниманія, построекъ эпохъ давнишнихъ. Но, все-таки, прежде чѣмъ начать самый обзоръ, который мы сдѣлаемъ не по кварталамъ, улицамъ и даже не по частямъ города, а по типамъ построекъ, вспомнимъ, сдѣлавъ какъ бы мысленную прогулку, то, что погибло совершенно или передѣлано до неузнаваемости. Этотъ обзоръ, по возможности, произведемъ въ хронологическомъ порядкѣ.

Едва ли не одной изъ наиболѣе крупныхъ передѣлокъ, измѣнившихъ видъ цѣлаго квартала города—кусокъ набережной, была застройка мѣста между двумя выступами Адмиралтейства по набережной. Многіе ли помнятъ, каковъ былъ видъ Дворцовой

набережной у Адмиралтейства до сломки высокой ограды, отдѣлявшей дворъ Адмиралтейства отъ набережной, собственно у дворца и площади Петра I, и до застройки всей линіи между двумя крылами Адмиралтейства, выходящими на набережную?

Прежде всего на куполахъ флагштокъ держали и его обвивали хвосты старшныхъ дельфиновъ, не теперешнихъ—бутафорскихъ. Высокая каменная стѣна, заканчивающаяся наверху рѣшеткой съ прелестнымъ рисункомъ меандра, отдѣляла когда-то здѣсь бывшія верфи отъ бульвара, устроеннаго Л. Русска, на мѣстѣ еще ранѣе бывшихъ рвовъ. Бульваръ заканчивался красиво обработанною набережною. Здѣсь шелъ спускъ въ видѣ широкой лѣстницы, обрамленной пилонами со статуями львовъ и съ вазами. Все вмѣстѣ представляло собой рѣдкое по единству стиля сочетаніе. Къ тому же новой рѣшетки Зимняго Дворца еще не было, и фасадъ его былъ открытъ на большую площадь, а проѣздъ къ мосту шелъ сбоку отъ спуска, такъ какъ обширность мѣста позволяла здѣсь существовать всей архитектурной обработкѣ, не стѣсняя проѣзда.

Но вотъ пришла идея застроить весь участокъ между выступами Адмиралтейства, застроить доходными частно-владѣльческими домами. И возникли здѣсь сѣрыя, малиновыя, зеленыя шестиэтажныя громады въ разныхъ стиляхъ, отъ русскаго до ренессанса. Самымъ безобразнымъ, конечно, явился Пасаевскій театръ. Львы были убраны, равно какъ и вазы на набережной противъ памятника Петру I; ограду сломали, а рѣшетку ея куда-то свезли... Вмѣсто прекраснаго, спокойнаго дорическаго портика фасада былъ устроенъ ренессансный фасадъ съ куполомъ, какихъ сотни на всѣхъ выступахъ и углахъ доходныхъ домовъ. Кромѣ того, зданіе было надстроено и, главное, лишено скульп-

турнаго фриза—одного изъ лучшихъ фризовъ во всемъ Петербургѣ!

Неподалеку надстройкою испорченъ былъ фасадъ Константиновскаго артиллерійскаго училища, построеннаго архитекторомъ Волковымъ, а по нѣкоторымъ источникамъ—Захаровымъ. Правда, сохранены детали—прекрасные замки въ окнахъ и наличники ихъ, но пропорціи фасада были такъ измѣнены, что, равно какъ и Технологическій Институтъ, зданіе, здѣсь бывшее ранѣе, можно отнести теперь къ числу скорѣе совсѣмъ погибшихъ, чѣмъ только передѣланныхъ.

Далѣе, на Забалканскомъ проспектѣ, былъ сильно испорченъ прекрасный домикъ Вольно-Экономическаго Общества, небольшой, но очень типичный и богатый внутренней отдѣлкой. Чтобы закончить по поводу передѣлокъ этого куска Петербурга, слѣдуетъ упомянуть о десяткахъ безслѣдно исчезнувшихъ, уступившихъ мѣсто огромнымъ доходнымъ домамъ, особнячковъ съ садиками на Можайской, Верейской, Клинскомъ проспектѣ и въ Ротахъ. Хотя здѣсь уцѣлѣло и до сихъ поръ кое-что интересное въ этомъ родѣ, но къ этому матеріалу мы еще вернемся.

Но что́ передѣлка набережной у Адмиралтейства по сравненію съ печальнымъ, непростительнымъ, непоправимымъ вандализмомъ, допущеннымъ «восьмидесятниками» (вообще крупнѣйшая порча Петербурга произведена была въ періодъ отъ 1875 года до 1895 года), эпохой «Стасовщины» и т. д. въ отношеніи первокласснаго сооруженія Томона—Большого Театра (1803 г.)! Конечно, въ исторіи петербургскаго строительства извѣстны многочисленные случаи сломки прелестныхъ зданій. Но когда вмѣсто почти оконченной, но не очень удачной Биржи Гваренги возникала храмоподобная Биржа Тома-де-Томона, или вмѣсто Стараго Зимняго

Дворца— Новый Растрелліевскій и т. д., то здѣсь цѣль оправдывала средства.

Не то съ Большимъ Театромъ: огромный, внушительный, мощный портикъ главнаго фасада, благородные, ритмическіе боковые—почти вся эта масса зданія рухнула для того, чтобы сохранились только основныя стѣны, въ которыхъ и устроили, достроивъ къ нимъ «съ полдюжины фасадовъ»,—консерваторію.

Снимокъ, прилагаемый къ очерку, изображаетъ зданіе Большого Театра какъ разъ въ моментъ начала работъ по его сломкѣ.

Неузнаваемъ сталъ Новый (Новый въ отличіе отъ Стараго, построеннаго Баженовымъ и сожженнаго въ дни революціи Окружнаго Суда) Арсеналъ на Литейномъ проспектѣ. Еще до постройки Литейнаго моста, когда существовалъ Литейный дворъ, снесенный для устройства сквознаго проѣзда къ мосту, именно на этомъ мѣстѣ построено было Демирцовымъ въ 1808 году гармоничное зданіе съ Тосканскимъ портикомъ, превосходно вылѣпленнымъ фризомъ и богатою арматурой на аттикѣ портика. Весь фасадъ былъ разрустованъ, по краямъ фасада были проѣзды въ видѣ арокъ. Теперь на мѣстѣ прежняго Арсенала какое-то подобіе готико-флорентійской архитектуры эпохи Николая Павловича, но и оно въ настоящій моментъ надстраивается, расширяется—и въ общемъ получается нѣчто несообразное.

Передѣлка зданія, построеннаго при Александрѣ I (въ 1803—1806 годахъ) Гваренги въ видѣ добавленія къ Аничкину Дворцу (въ 1810 году Русска отдѣлилъ дворъ Кабинета отъ двора Дворца, а въ 1817 году Росси передѣлывалъ Дворецъ, пристроивъ павильоны) и занятаго послѣ Кабинетомъ Его Величества (первоначально наверху были служебныя помѣщенія, а внизу торговые ряды),—передѣлка, имѣвшая цѣлью убрать арки нижняго этажа,

устроивъ и здѣсь также помѣщенія для канцеляріи,—очень отразилась на видѣ фасадовъ. Императоромъ потому-то и выбранъ былъ изъ двухъ проектовъ, представленныхъ ему на разсмотрѣніе, осуществленный, что на чертежѣ колонны выдѣлялись благодаря открытымъ аркамъ. Задѣлка арокъ въ 1885 году Шильдкнехтомъ придала колоннамъ совсѣмъ другой характеръ, хотя арки между колоннъ больше вязались бы съ такими же арками въ проѣздѣ. Между тѣмъ, Гваренги лишь въ первоначальномъ проектѣ предполагалъ тріумфальный въѣздъ въ видѣ тройной арки, а въ натурѣ осуществилъ іоническую колоннаду, покрытую прямымъ дорическимъ (!) антаблеманомъ. Поэтому, нельзя утверждать, что сдѣланная передѣлка портитъ общій фасадъ корпуса; можно лишь пожалѣть, что измѣнился характеръ предназначенія перваго этажа, какъ это видно на снимкѣ. Уютна была эта аркада, и, что особенно жалко, въ силу отдѣленія всего зданія отъ двора, не служитъ болѣе торжественная колоннада въѣздомъ въ Дворцовый дворъ. Отчасти видъ на фасадъ испортилъ подъемъ улицы во время перестройки и уширенія Аничкина моста.

Изъ погибшихъ безвозвратно первоклассныхъ сооруженій надо упомянуть еще о замѣчательномъ особнякѣ Яковлева, стоявшемъ близъ набережной Фонтанки, у Забалканскаго проспекта.

Особнякъ построенъ былъ, несомнѣнно, Растрелли, и представлялъ собою рѣдкій образецъ творчества геніальнаго мастера въ томъ смыслѣ, что это было сооруженіе не дворцоваго характера, а интимнаго. Такихъ построекъ Растрелли сохранилось на всемъ обширномъ пространствѣ Россіи, можетъ быть, всего одна—двѣ. Поэтому, особенно жалко дома, снесеннаго чуть ли не на кирпичъ. Но мѣсто дорого. Усадьбѣ не пристало занимать столько квадратныхъ саженъ, разъ у собственника его нѣтъ

средствъ. Существуютъ же десятки уродливыхъ построекъ и пустырей на лучшихъ мѣстахъ Петербурга! Почему, какъ нарочно, не ломаютъ эти ужасные извозчичьи дворы и трактиры, не застраиваютъ эти пустыри? А вотъ чудный особнякъ надо было снести!

Напримѣръ, на Петербургской сторонѣ въ 1900-хъ годахъ, безъ всякой практической цѣли, снесли прелестную, такъ называемую, Синявинскую гауптвахту. Зачѣмъ?

Понадобилось использовать мѣсто для постройки «Пассажа»—на Литейномъ,—ломаютъ ворота особняка графа Шереметева (построенныя, несомнѣнно, ученикомъ Растрелли); надо было въ зданіи Государственной Думы устроить библіотеку,—уничтожаютъ прелестный Театральный залъ, построенный Л. Русска и расписанный лучшими мастерами; негдѣ (?) построить новое зданіе Министерства Торговли и Промышленности, и вотъ на столь неподходящемъ, «невидномъ» мѣстѣ для этого зданія—ломаютъ саженныя стѣны Стараго Гостинаго двора на Тучковой набережной. Все изъ практическихъ соображеній! На Петровской набережной, у Троицкаго моста, въ лучшихъ мѣстахъ столицы—пустыри, свалка дровъ. А мѣсто на Михайловской площади пустуетъ и пустуетъ!

Между тѣмъ, Стараго Гостинаго двора очень жалко... Кто бывалъ во дворѣ этого грандіознаго зданія, помнитъ, какое сильное впечатлѣніе производила его двухъэтажная аркада. Вспоминались итальянскія cortile монастырей.

Казалось: застеклить арки, благодаря этому отеплить коридоры—и получились бы чудные променуары, выставочныя залы, залы музейныя!

Трезиніевское сооруженіе, позже передѣланное въ стилѣ эпохи Имперіи, представляло значительный интересъ и по архитектур-

ной обработкѣ. Прелестны были наличники и отличенъ отвѣсный элегантный карнизъ.

Но если упомянутыя здѣсь постройки были уничтожены, то все-таки, какъ ихъ ни жалко, какое-то хотя бы отдаленное оправданіе можетъ быть приведено по поводу причины ихъ разрушенія. Но зачѣмъ сломали чудесную Воронихинскую дачу на Черной рѣчкѣ? Зачѣмъ погубили весь рѣдкій ансамбль барской пригородной усадьбы со статуями, мостами, спусками къ пристани? Лишь отдѣльные фрагменты прежняго великолѣпія напоминаютъ теперь о варварскомъ поступкѣ людей, не развитыхъ художественно и мало, очевидно, любящихъ старину Петербурга, а тѣмъ болѣе старину фамильную, родовую. Дача Воронихина за послѣдніе годы стала слишкомъ извѣстна, чтобы помѣщать въ этомъ очеркѣ ея снимокъ. Она извѣстна и по картинѣ самого строителя Воронихина, хранящейся въ Музеѣ Александра III. Изъ того, что самъ авторъ изобразилъ на полотнѣ свое сооруженіе, можно судить, что, значитъ, онъ особенно признавалъ достоинства удавшагося ему сооруженія... И, однако, ничего не помогло: снесли всю дачу и лишь остатки—античный мраморный саркофагъ, барочная статуя Нептуна, да памятникъ любимой собакѣ графа, разбросанные въ паркѣ, украшая до сихъ поръ этотъ уютный уголокъ,—напоминаютъ объ одномъ изъ наиболѣе красивыхъ сооруженій Стараго Петербурга.

Неподалеку отъ Сердобольской улицы существовала прелестная деревянная круглая бесѣдочка, очень благородно, тактично украшенная орнаментами по фризу и покрытая куполомъ.

Долгое время въ ней существовала какая-то слесарная мастерская... Конечно, павильончикъ былъ попорченъ, но все-

таки существовалъ! Сгорѣла ли построечка, пошла ли за ветхостью на дрова,—но она болѣе не существуетъ...

Погибли всѣ атрибуты садоваго устройства и въ «Кушелевской дачѣ» на Б. Охтѣ, построенной Гваренги и нынѣ занятой Елизаветинской Общиной сестеръ милосердія. Давно ли можно было въ чудномъ, типичномъ барскомъ паркѣ у дворца любоваться прудами, рощею, бесѣдками, аллеей бюстовъ, гротомъ (нишею) со статуей Екатерины II, работы Рашетта. Не осталось и слѣда отъ парка, искусственныхъ рощъ, аллей; кругомъ—заводы «Новой Баваріи», какой-то «Мануфактуры». Только фасадъ, да прекрасная ограда изъ изваяній львовъ, держащихъ цѣпи, сохранились до сихъ поръ.

На берегу, передъ дачей—остатки обработки гранитной набережной, пилоны, ступени. Но нелѣпая деревянная часовня испортила теперь и этотъ уцѣлѣвшій уголокъ. Не такъ давно, лѣтъ двадцать тому назадъ, когда-то любимое мѣсто прогулокъ петербуржцевъ—садъ съ живописными рощами—понадобилось уничтожить. Какъ бы теперь попадобился тамъ паркъ при больницѣ! Много ли теперь барскихъ садовъ уцѣлѣло въ Петербургѣ? При дворцахъ графа Шереметева, кн. Юсупова, у Николаевскаго Сиротскаго Института на Мойкѣ (и Казанской улицѣ)—вотъ и все! Вѣдь уничтожить садъ у Екатерингофа ничего не стоило, а вотъ садъ вовсе ненужный, закрывающій видъ на Адмиралтейство, развели...

Кстати, старинную аллею, которая вела къ спуску у восточнаго фасада Адмиралтейства, вырубили недавно (есть прекрасный рисунокъ этой аллеи и набережной, устроенной Ринальди), а передъ дворцами Англійскую набережную пытаются все засадить (кстати, тщетно) ненужными здѣсь вовсе деревьями.

Вообще, что касается сохраненія «зеленыхъ» памятниковъ, то въ этомъ вопросѣ все обстоитъ совершенно неправильно.

Что-жъ удивляться, если на зданіи самой Академіи Художествъ исчезла статуя Минервы (въ публикѣ было мнѣніе, что это статуя Екатерины II). Правда, былъ пожаръ, повреждены стропила купола, появились всякія техническія опасенія. Но ихъ надо было устранить, разъ это нужно съ эстетической точки зрѣнія. Силуэтъ Де-ла-Моттовскаго купола совершенно не тотъ, что былъ ранѣе съ фигурой наверху. И гдѣ вообще эта статуя? Неужели разбита, погибла?

Въ такомъ случаѣ, что же удивляться разрушеніямъ, вандализмамъ, допускаемымъ въ отношеніи дворцовъ и особняковъ частныхъ, если зданіе самой Академіи, которое должно бы было блюсти эти вопросы сохраненія старины Петербурга, подвергается измѣненіямъ, и никто не протестуетъ? Тѣмъ болѣе ничего нѣтъ страшнаго, если исчезаютъ десятки и сотни особняковъ, старинныхъ домовъ Александровскаго и даже Екатерининскаго времени!

Погибъ безслѣдно чудесный съ колоннами особнякъ на Большой Морской, уступивъ мѣсто уродливому «модернъ» новаго дома.

На углу Большой Морской и Почтамтской также снесенъ былъ очаровательный домъ, въ которомъ жилъ историкъ Карамзинъ, и на мѣстѣ его «взошелъ какой-то пирогъ», исчезли дома на Офицерской, Конюшенной, Гороховой (у Семеновскаго моста), на Сергіевской, Фурштадтской, на Васильевскомъ...

«Всего обиднѣй,—говоритъ Бенуа,—когда старые дома, отличавшіеся скромностью и грандіозными фасадами, только переоблицовываются изъ соображеній ложно понятаго изящества (напримѣръ, истинно барскій домикъ гр. Мордвиновой на улицѣ Глинки), притомъ и простительно, и понятно самое исканіе до-

ходовъ и связанная съ нимъ перестройка домовъ, но непростительно, что дома при этомъ уродуются. Въ большинствѣ случаевъ вполнѣ возможно сохраненіе стараго типа и въ то же время увеличеніе надстройки дома. Не то въ Петербургѣ. За немногими (до смѣшного немногими) исключеніями, этотъ городъ только уродуется и именно уродуется, такъ какъ только то, что въ немъ стараго—то хорошо».

Такъ было еще въ 1902 году...

Правда, теперь Современный Петроградъ обладаетъ уже и многими хорошими домами. Но лишь въ исключительныхъ случаяхъ эти новые хорошіе дома возникаютъ на мѣстѣ старыхъ хорошихъ (уголъ улицы Гоголя и Невскаго, Банкъ Вавельберга, Невскій 10, Банкъ Рябушинскаго и еще два—три примѣра, когда новое достойно или даже лучше стараго), чаще, какъ нарочно, новые ужасные дома стоили жизни очаровательнымъ особнякамъ старинным, а хорошее возникло въ отношеніи къ старому. И если теперь, пятнадцать лѣтъ спустя послѣ того что писалъ Бенуа, нельзя согласиться съ тѣмъ, что «Петербургъ временъ Екатерины и Александра былъ красивъ и благороденъ, а то, что теперь въ немъ строятъ, только нелѣпо, безобразно и пошло», то все же скажемъ, что Петербургъ, какъ городъ, съ каждымъ годомъ теряетъ свою чудную, цѣльную физіономію, несмотря даже на хорошія, отдѣльныя новыя зданія. И это потому, что портятъ лучшія старыя зданія и цѣлые ансамбли (достройка къ Михайловскому дворцу, Этнографическому музею Александра III), и безпощадно, какъ нарочно, воздвигаются новые огромные, безобразные или безличные и сѣрые дома на мѣстѣ очаровательныхъ старенькихъ. На углу Знаменской и Кирочной, гдѣ существовали два прелестныхъ особнячка съ очень хорошими

барельефами; на 5-й линіи Васильевскаго Острова, д. № 19, вмѣсто хорошаго деревяннаго домика, возникъ, средняго качества, «безпокойный» фасадъ; на углу Съѣзжинской и Большого проспекта дворъ съ интересной аркадой второго этажа передѣланъ до неузнаваемости (Зачѣмъ? Вѣдь, только измѣнили форму арокъ: помѣщеніе осталось то же самое). Передѣлали также, испортивъ (будто нельзя расширять помѣщенія въ глубь, во дворъ—было же мѣсто!), фасады гимназій на Гагаринской улицѣ (1823 г.) и на Казанской. Въ первомъ случаѣ, къ счастью, передѣлка не особенно исказила старину, но на Казанской улицѣ цѣликомъ погубленъ фасадъ. Новое зданіе «модернъ-ампирнаго» характера—ужасно!

Стоитъ ли упоминать о порчѣ рынковъ—напримѣръ, Андреевскаго (особенно со стороны 6-й линіи), залѣпленнаго безобразными вывѣсками,—о порчѣ Гостинаго Двора (не той части, что въ концѣ XIX столѣтія была перестроена, а о другихъ частяхъ, тоже залѣпленныхъ вывѣсками), о чудномъ портикѣ Перинной линіи, сплошь закрытомъ (курьезно и глупо торчатъ только куски колоннъ) вывѣсками? Перекраска также губитъ многіе чудесные фасады. Что удивляться неправильному окрашиванію частныхъ домовъ, если даже дворцы Зимній, Строгановскій, Министра Путей Сообщенія и многіе другіе варварски продолжаютъ закрашивать сплошь въ густые, мрачные, безвкусные тона (коричневый, красно-кирпичный)...

Но наиболѣе печальной страницей въ исторіи вандализма Стараго Петербурга все-таки явится та, которая повѣствуетъ о мостахъ. Исчезновеніе Цѣпного моста у Лѣтняго сада—ничѣмъ не вознаградимая утрата. Такого другого сооруженія не будетъ никогда въ Петроградѣ. Теперь въ воспоминаніи онъ рисуется полнымъ

фантастическаго великолѣпія. Струны, поддерживавшія цѣпи, золотыя украшенія на пилонахъ, весь его старинный силуэтъ былъ такъ нуженъ именно этому уголку Стараго Петербурга.

Другой цѣпной мостъ—Египетскій—также былъ очень красивъ. Но недосмотръ техническаго надзора погубилъ его. Остались только прелестные пѣшеходные мостики на Екатерининскомъ каналѣ (напримѣръ, Банковскій), но о нихъ рѣчь впереди.

Глава третья.

ПРОГУЛКИ ПО СТАРИННЫМЪ КВАРТАЛАМЪ ПЕТЕРБУРГА.

1.

Въ небольшомъ количествѣ, но все же сохранились еще кое-гдѣ у насъ такія мѣста, гдѣ не только какой-нибудь отдѣльный домъ или «рынокъ», но цѣлыя нагроможденія старинныхъ домовъ и всякихъ построекъ образуютъ собою «уголки» Стараго Петербурга. Правда, они разбросаны въ самыхъ различныхъ кварталахъ столицы...

Начнемъ нашъ краткій обзоръ, именно, съ нѣкоторыхъ изъ такихъ ensemble'ей, причемъ исчерпывающе перечислить всѣ «уголки»—вовсе не наша задача; ограничимъ себя представленіемъ лишь общей картины, приведеніемъ примѣровъ лишь самыхъ типичныхъ.

Наиболѣе цѣльный и самый старинный кварталъ сохранился, кажется, у Тучкова переулка на Васильевскомъ. Здѣсь по Волховскому переулку тянутся низенькія, плоскія построечки, едва ли не Петровскаго времени (такія же низенькія, но не столь старинныя, постройки тянутся по Иностранному переулку). Здѣсь же, неподалеку, на углу Тучковой набережной и Тучкова переулка, находятся и

старинные, теперь заколоченные, флигеля, амбары, вообще «зады» церковныхъ построекъ и служебные флигеля домовъ №№ 29 и 31 по Кадетской линіи. Вдали церковь Св. Екатерины, своимъ куполомъ, на барабанѣ, обработаннымъ полуколоннами, прекрасно доминируетъ надъ старенькими построечками, украшенными вовсе не плохими рѣшетками, кронштейнами балконовъ, старинными желѣзными ставнями. Прекрасные дома на углу Средняго проспекта и набережной, старинные амбары, отлично обработанные дворы и особнякъ на Биржевомъ переулкѣ,—какъ все это вмѣстѣ (особенно съ бывшимъ Старымъ Гостинымъ дворомъ) типично, цѣльно! Какой прекрасный «уголъ» старины сохраняется здѣсь. Едва ли это не наиболѣе богатый остатками Стараго Петербурга районъ. Еще и теперь любитель старины не пожалѣетъ о потерянномъ времени, если загляпетъ сюда...

На пространствѣ всего нѣсколькихъ кварталовъ, здѣсь собралось много, конечно, не архитектурныхъ chef d'oeuvre'овъ, но почти «памятниковъ» старины и притомъ старины милой, уютной, типичной.

Едва ли гдѣ еще вообще соединено столько «остатковъ» прошлаго, какъ здѣсь, тѣмъ болѣе что по близости мы встрѣтимъ также и крупныя историческія постройки: Университетъ, Биржу, Таможню и часовню близъ нея, «Новый» Гостиный дворъ, Академію Наукъ (Кунсткамера) и флигель ея, и вообще вдоль по Кадетской и Первой линіямъ и по Университетской набережной—рядъ «памятниковъ» зодчества эпохи Екатерины, Елизаветы и даже Петра.

Итакъ, часть Васильевскаго Острова, образуемая набережными Невы и Невки и отрѣзанная Первой линіей,—вотъ область для нашего обозрѣвателя, наиболѣе богатая и интересная.

Много отличныхъ «точекъ» на старинные уголки открывается и у Щепяного и у Никольскаго рынковъ, близъ Крюкова канала. Здѣсь тяжелыя арки, курьезные ходы въ подвальный этажъ, крутыя, старыя крыши, съ брандмауэрами, обелиски моста, склады, и вдали стройная колокольня и купола церкви Николы Морского—образуютъ типичный уголокъ старины. Поблизости у Фонтанки—много великолѣпныхъ особняковъ (конца XVIII и начала XIX вѣковъ) въ два и въ три этажа. Перейдя на другую сторону Фонтанки (къ сожалѣнію, уже не по Египетскому мосту), мы встрѣтимъ третій «кусокъ» старины Петербургской—это мѣсто близъ Измайловскаго собора—здѣсь, на углу Госпитальнаго переулка чудесный, старинный, очень типичный особнякъ; далѣе въ Ротахъ много курьезныхъ домиковъ начала XIX вѣка, и вплоть до Обводнаго Канала, по берегу котораго тянутся старинные провіантскіе склады—всѣ эти кварталы, если теперь и не изобилуютъ памятниками старины, то все же сохраняютъ остатки ихъ въ большемъ количествѣ, чѣмъ другія части нынѣшняго Петрограда.

Конечно, Милліонная улица, Марсово поле и Мойка, почти сплошь состоящія изъ чудесныхъ дворцовъ и особняковъ, такъ же, какъ и площадь Зимняго дворца, набережныя Англійская, Дворцовая или набережныя Фонтанки, эти всѣмъ извѣстныя мѣста, находящіяся, такъ сказать, на виду, занимаютъ насъ меньше: мимо нихъ проѣзжаютъ каждый день, и впечатлѣніе, получаемое при видѣ ихъ, стало не то что слабымъ, но такъ притупилось, что часто, проходя даже около лучшаго дворца, какъ-то не замѣчаешь его.

Между тѣмъ, попадая въ захолустный «уголокъ», въ родѣ того, что у сліянія Крюкова канала съ Фонтанкою, сразу какъ-то крѣпче ощущаешь всю прелесть старины.

Много старенькихъ домиковъ находится еще на Можайской, на Кабинетской улицахъ, на Клинскомъ проспектѣ и на Рождественскихъ улицахъ. По Гороховой, Загородному, Демидову переулку, по Мѣщанской, Казанской улицамъ — много старинныхъ домовъ, при которыхъ особенно типичны дворы.

Отдѣльныя построечки (амбары, особняки, нынѣ все больше занятые трактирами) встрѣчаются и на Петербургской сторонѣ, на набережной Большой Невки, Малой Невы.

На островахъ, у Черной рѣчки, на Охтѣ, на набережныхъ Новой Деревни интересны дачи.

Особенно хороши дворы и сады при домахъ на набережной Екатерининскаго канала и частью Мойки: старинный характеръ носятъ многіе изъ нихъ. Аллеи деревьевъ, сочно и красиво разросшіяся и бросающія прохладную тѣнь, низенькія арочки воротъ, обширные, застроенные конюшнями съ арками сараевъ, дворы, поросшіе травкой... все это напоминаетъ время, когда не было еще гаражей и шоффероръ...

Особенно красива часть набережной Мойки, у дома Конюшеннаго вѣдомства, гдѣ съ одной стороны колоннада Стасовскаго манежа и рядъ домовъ начала XIX вѣка, между которыми есть очень интересные, а съ другой—домъ, принадлежащій Удѣльному вѣдомству, Круглый рынокъ; здѣсь же Мойку пересѣкаютъ три моста, каждый изъ нихъ, хотя и съ безобразно обломанными (sic!) фонарями, но украшенъ прекрасными чугунными рѣшетками перилъ и опирается на чугунныя же арки, покрытыя стильнымъ, аканѳовымъ орнаментомъ.

Отражающіеся въ тихихъ темныхъ водахъ каналовъ мосты эти, вмѣстѣ съ блѣдно-сѣрыми, лимонными и фисташковыми

фасадами образуютъ полный цѣльности и стиля уголокъ красиваго Стараго Петербурга.

Конечно, виды отдѣльныхъ старинныхъ построекъ гораздо многочисленнѣе упомянутыхъ ensemble'ей.

Напримѣръ, полонъ тихой прелести видъ со стороны Мойки на арку зданія «Новой Голландіи». Особенно лѣтомъ, когда мощныя колонны отражаются въ водѣ, а на берегу растетъ травка среди уже никогда не перемащиваемой мостовой. Также великолѣпны и нѣкоторые виды на садъ, бесѣдку и ограду дома Бобринскаго со стороны Адмиралтейскаго канала; хорошъ ensemble дома графа Шереметева съ рѣшеткой и пристройками боковыхъ флигелей на Фонтанкѣ, но особенно типиченъ видъ на Тучковъ (Пеньковый) Буянъ со стороны Тучковой набережной. Здѣсь, на отчужденномъ островкѣ (къ сожалѣнію, теперь почти всѣ каналы у Буяна засыпаны, прежде они отдѣляли такъ называемый Бироновъ Дворецъ отъ прилегающей части Петербургской стороны) стоятъ два великолѣпныхъ корпуса съ отдѣльнымъ павильономъ посрединѣ; лѣсъ мачтъ корабельныхъ колышется у набережной и напоминаетъ тѣ времена, когда не было еще пара и электричества.

Исключительно великолѣпенъ ensemble у Смольнаго монастыря. Соборъ съ окружающими его постройками, аркадами, галлереями, оградами и фантастическими рѣшетками образуетъ картину величественную и единственную въ своемъ родѣ.

Таковы нѣкоторыя черты тѣхъ мѣстъ, гдѣ уцѣлѣли еще кусочки «Старины Петербургской».

2.

Конечно, разбирая въ отдѣльности сохранившіяся постройки, мы найдемъ еще нѣсколько, быть можетъ, незначительныхъ,

которыя, однако, представляютъ интересъ и живописностью расположенія. Количество же сохранившагося матеріала, вообще, довольно велико, несмотря на массу ежегодно уничтожаемаго.

Чтобы приблизительно осмотрѣть интересующее насъ, разсмотримъ постройки не по районамъ, а подбирая уцѣлѣвшіе памятники—по типамъ.

Конечно, здѣсь не приходится говорить о дворцахъ и соборахъ главнѣйшихъ—они всѣмъ извѣстны, опредѣлены. Гораздо интереснѣе взглянуть на старину, «не захватанную», «не тронутую».

Старѣйшія сооруженія, изъ уцѣлѣвшихъ, Гостиные Дворы. Много ихъ было въ Петербургѣ. И хотя снесли Старый Дворъ на Васильевскомъ, но все-таки судьба, очевидно, была милостива къ другимъ «Дворамъ».

Круглый рынокъ на Мойкѣ, украшенный курьезнымъ барельефомъ, изображающимъ быка, одинъ изъ старѣйшихъ, онъ Екатерининскаго времени (хотя частично и былъ подвергнутъ новой обработкѣ).

Построенный Де-ла-Моттомъ, въ 1761—1765 годахъ, Гостиный дворъ на Невскомъ лишь со стороны Банковской линіи свободенъ отъ залѣпившихъ его нынѣ вывѣсокъ; здѣсь и видна его первоначальная архитектура, простая, но благородная, словомъ—полная противоположность тому, что устроено со стороны Невскаго, гдѣ строитель, руководствуясь якобы первоначальнымъ, дѣйствительно, сохранившимся проектомъ Растрелли, сдѣлалъ что-то совершенно непохожее на него. Такъ называемый Новый Гостиный дворъ, построенный Гваренги, рядомъ съ Академическимъ флигелемъ (близъ Университетской набережной)—также передѣланъ позже до неузнаваемости. Зато, вполнѣ сохранны по виду—Ямской рынокъ, построенный Стасовымъ (на Нико-

лаевской улицѣ), съ колоннами и гладкой по краямъ обработкою, Никольскій, что у Садовой, Соляной, что на Гагаринской, и только отчасти передѣланъ (заложены арки по 6-ой линіи) Андреевскій рынокъ на Васильевскомъ. Со стороны противоположной 6-ой линіи въ фасадъ этого рынка какъ-бы вставлена красивая колоннада, вѣроятно, еще Екатерининскаго времени.

Очень своеобразна аркада такъ называемой Перинной линіи. Особенно хороши арки къ Банковскому переулку, уцѣлѣла здѣсь и старинная крыша. Портикъ со стороны Невскаго очень красивъ. Но твореніе Луиджи Русска, на виду у самой Думы, у Невскаго— вотъ показатель отношенія городской управы прежняго режима къ старинѣ,—возмутительнѣйше испорчено налѣпленными на колонны вывѣсками, пристроенными между колоннъ витринами и подло привинченными къ колоннамъ фонарями. Нѣчто азіатское, въ самомъ некультурномъ смыслѣ этого слова, чувствуется здѣсь въ порчѣ этого портика. Реклама глупая и грубая испортила старинное сооруженіе. Неужели же и теперь не настало время, когда властная рука художественнаго диктатора, выбраннаго Союзомъ художниковъ, уполномоченнаго народомъ всѣми правами, заставитъ убрать всѣ эти вывѣски и фонари, прикрѣпленные къ колоннамъ?

Хорошъ еще Литовскій рынокъ, но онъ очень застроенъ во дворѣ, и общій видъ его сильно измѣненъ. Еще болѣе попорчена линія Щепяного рынка. Здѣсь уцѣлѣло только нѣсколько арокъ по Крюкову каналу и Щепяному переулку. Остальныя варварски заложены или перестроены цѣликомъ. Между тѣмъ, очень красиво очертаніе этихъ арокъ, пологихъ, низкихъ, уютныхъ.

Къ типу рядовъ по внѣшнему виду, во всякомъ случаѣ, отнести можно и амбары. Лучшіе въ этомъ родѣ въ Биржевомъ

переулкѣ (д. № 2)—съ арками во второмъ этажѣ. Интересны и дворы этихъ амбаровъ. Хороши товарные склады съ навѣсами на Дегтярной улицѣ и на 2-ой Рождественской. Амбары, тоже деревянные и очень типичные, находятся еще на Калашниковской набережной, во дворѣ дома, что на углу Крюкова канала и Фонтанки, и въ другихъ мѣстахъ.

«Пеньковый» или «Тучковъ Буянъ», называемый въ общежитіи Бироновымъ дворцомъ, является въ своемъ родѣ единственнымъ сооруженіемъ Стараго Петербурга. Мы уже ознакомились съ живописностью его положенія. Разсмотримъ теперь поближе это фантастическое сооруженіе. При Императрицѣ Аннѣ Іоанновнѣ находившіеся на этомъ мѣстѣ пеньковые склады сгорѣли (29 іюня 1761 года). Въ 1764 году начата была постройка новыхъ пеньковыхъ складовъ; при этомъ, если мы вспомнимъ, какъ огромно было значеніе въ то время пеньки, шедшей на изготовленіе канатовъ—столь важнаго орудія корабельнаго устройства, столь необходимой части парусной системы,—то мы поймемъ, почему для пеньковыхъ складовъ сооруженъ былъ почти дворецъ, недаромъ и заслужившій такое названіе въ народѣ; центральная часть ново-сооруженнаго зданія,—помѣщеніе вѣсовъ,—украшена рѣшеткой съ гербомъ Государства Россійскаго; наверху помѣщался рядъ канцелярій, прокуратура торговыхъ дѣлъ. Сзади зданій шелъ такъ называемый «шофъ»—родъ амбара или длиннаго помѣщенія (для витья канатовъ?).

Не подлежитъ сомнѣнію, что авторомъ зданія былъ знаменитый Растрелли: здѣсь чувствуется его простая, слегка напоминающая въ деталяхъ стиль Louis XVI, архитектура.

Особенно характерны и красивы были существовавшіе вначалѣ полукруглые фронтоны съ орнаментами въ родѣ тѣхъ, что запол-

няютъ собою архитектурныя части Катальной Горки въ Ораніенбаумѣ, сооруженной Ринальди.

Въ общемъ это сооруженіе запечатлѣно итальянскимъ вкусомъ, и хотя сохранились чертежи, подписанные Деденевымъ (1764 г.), но возможно, что это былъ лишь производитель работъ или его помощникъ.

Но, несмотря на то, что есть и нынѣ не только профаны, но и такіе архитекторы и даже художники, которые утверждаютъ, что Пеньковъ Буянъ—зданіе нехудожественное, однако, мы полагаемъ, что какъ по силуэту (при разсмотрѣніи издали), такъ и по плану, по композиціи и даже по деталямъ, зданіе это—одно изъ выдающихся въ Старомъ Петербургѣ. Конечно, оно попорчено немало закладкой оконъ и вообще находится въ запущенномъ состояніи, но, очищенное отъ всякихъ загораживающихъ его построекъ (со стороны Александровскаго проспекта) и подремонтированное, оно могло бы служить будущимъ Дворцомъ Искусствъ и во всякомъ случаѣ Музеемъ Стараго Петербурга.

Особенно хороши лѣстницы, ведущія во второй этажъ по бокамъ Важни. Для того, чтобы постигнуть всю прелесть этого уголка, надо подняться на верхнюю площадку лѣстницы, отсюда видны монолитныя перила крутой лѣстницы, уголъ Важни и лѣсъ мачтъ, «лайбъ» и даже кораблей, разгружающихся у набережной Буяна.

Находясь здѣсь, совершенно забываешь о томъ, что все это происходитъ въ Современномъ Петроградѣ, что невдалекѣ бѣгаютъ вагоны ненавистнаго трамвая, что рядомъ высятся семиэтажныя громады Александровскаго проспекта.

Корабли тихо и мѣрно покачиваются вмѣстѣ со своими поскрипывающими мачтами, барки, запрудившія рѣку, вырисовываются

пестро-размалеванными носами, а на той сторонѣ—низенькіе, старенькіе дома, и надъ ними, какъ въ Римѣ Св. Петръ, куполъ церкви Св. Екатерины,—мощный и кажущійся бо́льшимъ, нежели онъ на самомъ дѣлѣ; къ рѣкѣ вдали спускается низкая набережная, не укрѣпленная гранитомъ, а поросшая травкой. Ничто не нарушаетъ цѣльности этого впечатлѣнія. Ни одинъ штрихъ не нарушаетъ картины. Не слышно даже шума паровой лебедки, гдѣ-то сзади за низкой стѣной подымающей тяжести. Плескъ волнъ о гранитъ, скрипъ мачтъ, да грустная пѣсня грузовщика, вспоминающаго свои родныя привольныя мѣста. Какъ близко все это къ тому настроенію, которое испытывалъ Пушкаревъ, описывавшій Петербургъ въ 1830 году...

3.

Конечно, въ Петербургѣ, какъ въ правительственномъ центрѣ, собственно, даже ранѣе торговыхъ помѣщеній должны были возникнуть постройки различныхъ государственныхъ учрежденій.

Изъ сохранившихся, однимъ изъ старѣйшихъ въ этомъ родѣ является зданіе «Двѣнадцати коллегій». Потомъ, Кунсткамера съ башней, къ сожалѣнію, послѣ пожара, такъ и не надстроенною доверху. Адмиралтейство, къ сожалѣнію, сильно попорчено; особенно жалко, что застроена площадь между двумя павильонами, выходящими на Неву и служившими прежде родомъ воротъ надъ каналомъ, проходившимъ подъ павильонами и шедшими вдоль всего двора. Надъ каналами въ самыхъ воротахъ были открытые балконы для осмотра судовъ сверху. На гранитныхъ пилонахъ стояли аллегоріи рѣкъ, теперь на ихъ мѣстѣ—уродливые якоря. Зданіе канцеляріи Военнаго Министерства и нѣкоторыя иныя

правительственныя помѣщенія не столь типичны, ибо это бывшіе дворцы, занятые впослѣдствіи учрежденіями. Но надо обратить вниманіе на прелестное сооруженіе Лукини—Таможню. Портикъ съ фигурами превосходенъ, куполъ бѣденъ, но идетъ къ линіямъ фасада. Все зданіе полно традицій итальянскаго классицизма и вмѣстѣ съ лѣстницей, гранитной набережной и стоящими на ней львами образуетъ великолѣпнѣйшій ensemble, одинъ изъ наиболѣе красивыхъ въ Старомъ Петербургѣ.

Неподалеку очень хороши два корпуса, симметрично расположенные по бокамъ Биржи. Съ бѣлыми колоннадами въ средней части фасада (одинъ, къ сожалѣнію, попорченъ передѣлкою: новый порталъ Зоологическаго музея), эти два зданія прекрасно вяжутся съ огромнымъ храмоподобнымъ зданіемъ Биржи.

Намъ не придется повторять о красотѣ зданій на Театральной улицѣ и Чернышевой площади (Министерство Народнаго Просвѣщенія и Министерство Внутреннихъ Дѣлъ) — это постройки исключительной силы, но улица, ими образованная, къ сожалѣнію, не докончена обработкою. Еще недавно Управленіе Московско-Винд.-Рыб. ж. д. построило на Театральной площади темно-сѣрое зданіе въ стилѣ Empire, сильно модернизованное и, во всякомъ случаѣ, не сочетающееся съ окружающими желто-бѣлыми фасадами.

Что же удивительнаго, если еще раньше (на 10—20 лѣтъ) построили здѣсь зданіе въ quasi-русскомъ стилѣ почти рядомъ съ Александринскимъ театромъ? Управленіе дороги построило свой домъ все-таки въ классикѣ, но въ какой! Неужели нельзя было просто продолжить корпуса Росси дальше и получить замкнутый ensemble? Еще досаднѣе, что на Чернышевой площади владѣтель какого-то доходнаго дома даже не захотѣлъ приспособиться къ

созданію Росси, и здѣсь видно сразу, что постройка Театральной улицы и Чернышевой площади въ свое время не была закончена: унылый, сѣрый, безлично-ренессансный домъ нарушаетъ цѣльность всей картины.

Очень благородную внѣшность являетъ зданіе бывшихъ Главныхъ Дворцовыхъ Конюшенъ, построенное Стасовымъ. И средняя часть съ куполомъ и боковыя крылья (одно перестроено) въ видѣ нишъ съ колоннами оставляютъ лучшее впечатлѣніе.

Интересна и колоннада, идущая по Мойкѣ, грузная, чисто декоративная, но очень привлекательная, особенно, какъ фонъ для чугунныхъ рѣшетокъ Большого Конюшеннаго моста.

Казармы и манежи въ общей картинѣ Стараго Петербурга также займутъ довольно видное мѣсто.

Начнемъ обзоръ со старѣйшихъ изъ сохранившихся—Павловскаго времени (нынѣ офицерская кавалерійская школа)—низенькихъ, украшенныхъ огромными гербами съ инициалами Императора Павла I и изображеніемъ мальтійскаго креста (этого же стиля инвалидный домъ на набережной Б. Невки на Каменномъ Островѣ).

Кавалергардскія казармы на Шпалерной улицѣ (Л. Русска) съ прекраснымъ портикомъ и двумя статуями по бокамъ (кстати обѣ фигуры Марса и Беллоны недавно грубо отреставрированы штукатуромъ) и манежъ его недалеко по Таврической улицѣ съ мощной рустовкой колоннъ—лучшія сооруженія этого рода. О манежѣ Конногвардейскаго полка, построенномъ Гваренги, говорить не приходится. Къ сожалѣнію, это превосходное сооруженіе въ заброшенномъ видѣ: досками забиты «междуколонья», статуи сняты съ пьедесталовъ и перенесены къ казармамъ.

Манежъ второго Кадетскаго корпуса (фехтовальная школа) на набережной Ждановки—зданіе очень благородныхъ пропорцій; оно приписывается Стасову, но преданіе относитъ его и къ Томону.

Простъ, но красивъ фасадъ казармъ Лейбъ-Гренадерскаго полка (Русска).

Павловскія казармы Стасова отличное сооруженіе.

Аптекарскій домъ (построенный Гваренги) нынѣ имѣетъ отношеніе къ павловскимъ казармамъ, почему мы его сюда и отнесемъ. Это небольшое по фасаду зданіе—очень благородныхъ пропорцій.

Изъ гауптвахтъ цѣло только одно зданіе на Сѣнной, но оно очень передѣлано и неузнаваемо въ его нынѣшнемъ предназначеніи. У зданія бывшаго Балтійскаго Судостроительнаго завода и у Елагина дворца гауптвахты менѣе характерны.

Зданія учебныхъ заведеній Стараго Петербурга очень многочисленны. Институты благородныхъ дѣвицъ (Смольный и Екатерининскій—построены Гваренги), Горный (постройка Воронихина, отличныя ворота во дворѣ), Кадетскіе корпуса (первый—бывшій Меньшиковскій дворецъ, второй—построенный Демирцевымъ), Морской корпусъ и мн. др.—все это старинныя зданія. Особенно красиво было Константиновское артиллерійское училище (постр. арх. Волковымъ) до поднятія во время перестройки колоннады на второй этажъ. Прежде колонны стояли на первомъ этажѣ.

Благороденъ фасадъ Института Инженеровъ Путей Сообщенія, построеннаго Бетанкуромъ, при участіи Томона (?); внутри хорошъ строго выдержанный, въ классикѣ, залъ.

Больницы Маріинская на Литейномъ (Гваренги), Обуховская на Фонтанкѣ и Загородномъ проспектѣ и нѣкоторыя другія—отличныя архитектурныя сооруженія. Особенно великолѣпенъ

фасадъ Маріинской больницы съ импозантнымъ пандусомъ, и положительно замѣчательна обработка круглой лѣстничной клѣтки Обуховской больницы въ видѣ дорической трехъярусной ротонды.

4.

Дворцы Петербурга достаточно популярны. Пожалуй, менѣе другихъ извѣстна внутренняя отдѣлка Строгановскаго дворца на Невскомъ, произведенная архитекторомъ Воронихинымъ, заслуживающая вниманія деликатностью и вкусомъ и совершенно очаровывающая любителя старины.

Не менѣе красива отдѣлка залъ Инженернаго замка. Къ сожалѣнію, мѣстами она изуродована. Но извѣстность чудесныхъ залъ этихъ двухъ дворцовъ незаслуженно мала. По крайней мѣрѣ, несмотря на полную возможность посѣщенія залъ Строгановскаго дворца, равно какъ и церкви Инженернаго замка, многіе ли любовались этими помѣщеніями?

Красивы нѣкоторые залы (нынѣ кабинеты) Таврическаго дворца. Бывшая оранжерея передѣлана подъ залъ засѣданія, а чудный театръ (архитектора Русска) погибъ безвозвратно, безъ особой надобности, передѣланный подъ библіотеку. Куда дѣвались его прелестныя росписи? Колонны, капители многолистные? Если даже и ветхи были стѣны и самыя колонны, неужели нельзя было все подремонтировать? Зачѣмъ понадобилось непремѣнно ломать?

Дворецъ Бобринскихъ на Галерной улицѣ—одинъ изъ лучшихъ и цѣльныхъ образцовъ барской архитектуры конца XVIII столѣтія. Домъ построенъ архитекторомъ Луиджи Русска. Со стороны улицы фасадъ разработанъ очень эффектно. Подобіе аттика, украшеннаго фигурами, импозантный дворъ, чудныя ворота, съ рѣшеткою.

Но еще красивѣе фасадъ со стороны сада. Здѣсь—портикъ съ фронтона и два полукруглыхъ выступа, обработанныхъ съ наружной стороны колоннами. Выступы покрыты куполами. Вдоль по Адмиралтейскому каналу идетъ рѣшетка, заканчивающаяся очаровательной бесѣдкой на углу. Въ другую сторону идетъ каменная ограда съ бюстами. Старыя деревья со своими черными стволами прекрасно сочетаются въ одинъ цѣльный пейзажъ съ архитектурой. Этотъ особнякъ заключаетъ нѣсколько типичныхъ interieur'овъ конца XVIII столѣтія.

Великолѣпенъ вестибюль, лѣстница и особенно красивые плафоны, чаще строгіе по рисунку, но изысканно выполненные. Прелестны медальоны, тонкіе бордюры и потолки.

Того же архитектора Русска домъ Державина на Фонтанкѣ (№118), со стороны набережной онъ совершенно переработанъ позже, но садовый фасадъ его сохранился почти въ первоначальномъ видѣ.

Бывшая усадьба графа Кушелева - Безбородки на Охтѣ и понынѣ еще производитъ импозантное впечатлѣніе со стороны набережной. И здѣсь цѣлы ограда и павильоны. Есть что-то общее въ пропорціяхъ у этого дома и Мятлевскаго. Недаромъ много говорили о подражаніи Русска своему талантливому соотечественнику, работавшему въ Россіи,—Гваренги.

Къ сожалѣнію, въ этой усадьбѣ внутри все передѣлано до неузнаваемости, а, какъ было сказано, садъ со всѣми его постройками почти уничтоженъ.

Похожъ на усадьбу гр. Кушелева сохранившійся у Фонтанки домъ нынѣ Министерства Путей Сообщенія, построенный тѣмъ же Гваренги. Великолѣпенъ портикъ фасада, къ сожалѣнію, по традиціи за послѣдніе 2—3 десятка лѣтъ возмутительно окрашиваемый въ густой кирпично-красный тонъ. Въ садъ (со стороны

Юсупова сада) выходитъ также красивый фасадъ. Вообще подобно исчезнувшей совсѣмъ усадьбѣ Яковлева, построенной еще Растрелли (тоже на Фонтанкѣ), усадьба эта, какъ и гр. Шереметева, является лучшимъ примѣромъ помѣстій вельможъ, въ свое время находившихся вдали отъ центра города и шума городской жизни по берегамъ Фонтанки, сплошь утопавшей въ зелени садовъ.

Усадьба гр. Шереметева, пожалуй, самый роскошный образецъ и, подобно Мятлевскому дому на Галерной, великолѣпно сохранялась до послѣдняго времени. Къ сожалѣнію, нельзя этого сказать въ отношеніи послѣднихъ 3—4 лѣтъ. Сломаны ворота (Растрелли?) со стороны Литейнаго. Уничтожена часть сада вдоль по Литейному и построенъ совсѣмъ плохой архитектуры Пассажъ, кстати пока никому ненужный.

Вырубили много деревьевъ, измѣнили видъ сада, глухой стѣной отгороженнаго отъ Литейнаго, уничтожили гротъ, выходившій на Литейный, въ которомъ сохранилась часть обработки туфомъ. Характеренъ былъ и каменный заборъ. Скоро, можетъ, упразднятъ и другой гротъ въ саду и памятникъ Параши Ковалевской (Ковалевой, позже графини П. Шереметевой).

Благополучнѣе обстоитъ дѣло съ постройками, выходящими на Фонтанку. Боковыя крылья (Гваренги) и самый домъ въ хорошемъ состояніи, рѣшетка (Корсини) такъ же великолѣпна, какъ и въ годъ ея построенія (40-ые годы XIX ст.). Внутри дома интересенъ только залъ (Гваренги?).

Очень хорошъ еще садъ Николаевскаго Сиротскаго Института, судя по нѣкоторымъ признакамъ обработки—именно этого выходящаго въ садъ фасада, построеннаго Ринальди. Здѣсь также много новшествъ, изуродовавшихъ садъ,—какія-то галле-

реи съ рѣзьбой якобы въ русскомъ стилѣ, террасы; но аллеи старыхъ липъ—очаровательны.

Кстати хороша абсида церкви института, стоящая въ саду и рѣдко кому извѣстная.

Изъ особняковъ усадьбы отмѣтимъ еще бывшій домъ Яковлева на Большомъ проспектѣ Васильевскаго острова (на углу 9-й линіи). Построенный Михайловымъ, домъ невысокъ, но уютенъ и отличныхъ пропорцій, ворота и ограда его образуютъ усадьбу. Не гармонируетъ съ ея архитектурною внѣшностью нынѣшнее ея предназначеніе, и стукъ печатной машины заставляетъ вспомнить о томъ времени, когда изъ открытыхъ оконъ, сквозь кисейныя занавѣски или тяжелыя драпировки, слышны были другіе звуки, мелодичные звуки піано-форте...

Возмутителенъ и деревянный ненужный заборъ, только закрывающій видъ на домъ.

Остатки барскихъ усадебъ видны еще часто въ разныхъ кварталахъ Стараго Петербурга.

Прекрасны ворота особняка, выходящаго фасадомъ на Николаевскую набережную, понынѣ видныя въ Академическомъ переулкѣ, и странно какъ-то смотрѣть на эти переплетающіеся вѣнки и стрѣлы на сооруженіи, окруженномъ убогими лачугами и трактирами. Деревянныя усадебки мы разсмотримъ позже; пока изъ наиболѣе крупныхъ каменныхъ мы упомянемъ бывшую усадьбу Демидова (низкій домъ на улицѣ и высокій во дворѣ) на 15-ой линіи. По Николаевской набережной д. № 1, 3, 5, 29, 33, 35, 39,—все это особняки, въ той или иной мѣрѣ сохранившіеся донынѣ, хотя у нихъ и не столь уютный общій видъ, и скорѣе они напоминаютъ уже каменные доходные дома начала

XIX вѣка. На второй линіи домъ № 37—Николаевскаго времени и довольно своеобразной архитектуры.

Великолѣпенъ особнякъ (Мятлевыхъ) на Исаакіевской площади. Неудачно закрашенъ, но очарователенъ по архитектурѣ стиля Louis XVI, фасадъ этого дома: балконы, лѣпка, вставленная въ квадраты и прямоугольники, очаровательные наличники съ кронштейнами наверху. Вообще домъ этотъ послужилъ прототипомъ обработки многихъ доходныхъ домовъ Петербурга. Излюбленными стали такіе наличники и карнизы. Къ сожалѣнію, опошленныя частымъ ихъ примѣненіемъ, такія детали стали менѣе замѣтными и на домѣ Мятлевыхъ. Но мы цѣнимъ по-прежнему очаровательную физіономію этого домика.

Очень хорошій примѣръ уже не барской, а купеческой усадьбы сохранился на Фонтанкѣ—это домъ Дрябиныхъ (№ 130). Суровый, замкнутый фасадъ простой архитектуры украшенъ лишь аттикомъ съ лѣпкой; во дворѣ онъ представляетъ наибольшій интересъ. Здѣсь хороша обработка подъѣзда—фонари, навѣсъ. Дворъ обрамляютъ службы, арки, ворота, а вдали за крышами синѣетъ куполъ собора. Получается цѣльная и типичная картина Стараго Петербурга, не нарушаемая никакими чертами Современнаго Петрограда.

На Охтѣ сохранились двѣ-три усадьбы, вѣроятно, тоже зажиточнаго купечества прошлыхъ временъ. Дача Уткина представляетъ собою отличную полукруглую ротонду, покрытую барабаномъ съ куполомъ. Получается родъ уютной ниши. Помимо упомянутаго типа домовъ съ вполнѣ ясно выраженнымъ характеромъ особняка (т.-е. сохранившимися воротами, дворами, садами, что указывало бы на характеръ предназначенія зданія для одного семейства),—въ Старомъ Петербургѣ есть еще немало до-

мовъ очень часто прекрасной архитектуры, которые или утратили ясно выраженный типъ, или построены были, какъ дома, состоящіе изъ нѣсколькихъ квартиръ, т.-е. какъ доходные дома XVIII и XIX вѣковъ.

Нѣтъ возможности хотя бы перечислить здѣсь всѣ, укажемъ лишь на нѣкоторые. На Фонтанкѣ (№ 157) и всѣ четыре дома на углу Гороховой, особенно тѣ, что на правой набережной. Здѣсь въ одномъ домѣ курьезная витая лѣстница (быв. «Варьетэ»). На Фонтанкѣ же отмѣтимъ еще дома № 18 (гр. Левашовой), д. 12—можетъ, Екатерининскаго времени и еще нѣсколько домовъ между Пантелеймонскимъ и Симеоновскимъ мостами (№ 7, 9, 36, 30, 13), очень хорошъ залъ (архит. Гваренги) въ домѣ гр. Шуваловой (21, 39), далѣе дома № 33, 51, 56, 87, 128, 153, 155, 169, 193; особенно хорошъ домъ на Фонтанкѣ между Гороховой и Горсткиной улицами.

На Загородномъ проспектѣ интересенъ домъ № 12 съ пилястрами и аттикомъ. На Спасской улицѣ два очень типичныхъ дома—одинъ съ портикомъ, а другой, рядомъ, съ двумя «фонарями»-выступами.

Много отличныхъ особняковъ на Сергіевской (напр., на углу Гагаринской—чудный домикъ съ лѣпкою), на Захарьевской, Фурштадтской. Очень хорошъ особнячокъ на Кузнечномъ переулкѣ съ полукруглымъ балкономъ надъ воротами. На Екатерининскомъ каналѣ старинный домъ № 115, на углу Средняго проспекта и Тучковой набережной отличный домъ съ полукруглыми окнами во второмъ этажѣ (интересно, что полукруглыя окна второго этажа—мотивъ, въ этомъ кварталѣ встрѣчающійся очень часто; не надстроены ли были здѣсь третій и четвертый этажи?).

Великолѣпенъ домъ на Невскомъ (кн. Юсупова) съ огромными лѣпными украшеніями надъ окнами въ боковыхъ частяхъ. Здѣсь же отличны ворота, вѣрнѣе — металлическая фрамуга ихъ. Интересенъ домъ на Колтовской набережной съ высокимъ портикомъ и антресолями; это собственно уже типъ особняка не петербургскій, а скорѣе московскій. Хорошъ фризъ изъ шлемовъ.

5.

Очень любопытны и характерны болѣе простые старинные дома небогатаго типа, предназначавшіеся для квартиръ чиновниковъ, ремесленниковъ и вообще для мѣщанства. На Мѣщанской ул., на Кирочной, на улицѣ Жуковскаго уцѣлѣли еще такіе домики съ курьезными лѣпными украшеніями (ярко закрашенными, напримѣръ, въ красный тонъ на желтомъ фонѣ стѣны дома). На Восьмой ротѣ Измайловскаго полка отличный каменный домикъ съ пилястрами и барельефами, на Офицерской особнячокъ съ фонаремъ балкона, на Моховой, близъ Пантелеймонской, уцѣлѣлъ также подобный домъ и, наконецъ, едва ли не наиболѣе старые дома въ этомъ родѣ у Лавры, на площади. Простой архитектуры, безъ всякихъ украшеній, но очень типичны эти домики съ крутыми старинными крышами.

Много также старинныхъ домовъ на Гороховой, на Подъяческой улицахъ, на Фонарномъ, Максимиліановскомъ и Прачешномъ. Темные проѣзды воротъ, парадные входы не съ улицы, а со двора или, именно, въ стѣнѣ этого проѣзда, подъ воротами унылые дворы, лѣстницы на каменныхъ столбахъ и сводахъ, до сихъ поръ фонари съ керосиновыми лампами, стертыя ступени, полы изъ каменныхъ плитъ въ коридорахъ,—какъ все это ти-

пично для Петербурга Достоевскаго, Гончарова... Хотя не одинъ изъ такихъ домовъ видѣлъ еще и героевъ Гоголя.

Къ однимъ изъ наиболѣе старинныхъ доходныхъ домовъ отнести надо домъ на углу Екатерининскаго канала и Гороховой улицы (Растрелли), затѣмъ Аннинскаго времени домъ на углу 1-ой линіи и Румянцевской площади, домъ на углу Кадетской линіи и Двинскаго переулка и домъ Семенова на 8-ой линіи близъ Средняго.

На Казанской улицѣ чудесный домъ съ колоннами (№ 18). Къ сожалѣнію, онъ совершенно изуродованъ вывѣской (Кусевицкій), закрывшей фусты колоннъ. Въ Демидовомъ переулкѣ есть и хорошіе дома и ихъ детали (№ 1, 3, 4). Въ этихъ домахъ (особенно въ № 1), очевидно, служившихъ особняками, сохранилась лѣпка и даже роспись. Изъ домовъ по Екатерининскому каналу отмѣтимъ д. № 134 съ барельефами и домъ № 154. На углу Екатерингофскаго проспекта и улицы Глинки—отличный домъ Бенуа съ масками надъ окнами перваго этажа. Домъ, очевидно, перестроенъ. По Крюкову каналу дома № 27 и сосѣдній съ нимъ—очень старинные. На Англійскомъ проспектѣ, на Прядильной улицѣ, на Клинскомъ проспектѣ, на Садовой, въ Спасскомъ переулкѣ (№ 11 съ богатыми лѣпными украшеніями), въ Столярномъ переулкѣ, на Б. Подъяческой (д. № 10, 19), на Преображенской улицѣ, на Среднемъ проспектѣ Васильевскаго острова (хороши дома № 1, 3 и дома № 7 и 24 съ рельефомъ и колоннадою), на 6-ой линіи Васильевскаго, близъ Большого проспекта. Какъ интересны всѣ эти дома внутри! Особенная прелесть въ пропорціяхъ комнатъ. Въ ихъ высотѣ, глубинѣ — что-то специфически старинное. Печи—бѣлыя, кафельныя, часто очень красивыя; богатые карнизы, художественная лѣпка. Особенно

привлекательны и типичны лѣстницы на сводахъ съ арками въ простѣнкахъ, съ каменными ступенями, съ такими же площадками лѣстницы и съ прелестными чугунными перилами, изображающими то стрѣлы, перевитыя плющемъ, и гирлянды виноградныхъ гроздьевъ, то меандръ сложнаго рисунка.

Не только дома конца XVIII вѣка и начала XIX, но часто ихъ части бывали очень интересны. Напр., есть прекрасные дворы, подъѣзды, навѣсы или особенно красивые карнизы и всякіе фрагменты.

Отмѣтимъ чудесный подъѣздъ съ двумя сфинксами въ одномъ домѣ на Можайской улицѣ; не рѣдки у подъѣздовъ львы (къ сожалѣнію, ихъ остается все меньше и меньше: еще недавно львы, равно какъ и красивыя тумбы, стояли у многихъ воротъ); прекрасны карнизы домовъ въ началѣ Невскаго, противъ улицы Гоголя, на Загородномъ проспектѣ (уголъ Владимирской, противъ Владимирской церкви), хороши навѣсы («зонтики»), напримѣръ, у дома на Михайловской площади, у дома на Загородномъ проспектѣ и у многихъ другихъ домовъ.

Особенно хороши бываютъ часто дворы. Совершенно неожиданно войдя черезъ ворота дома съ заурядным и простымъ по архитектурѣ фасадомъ, можно во дворѣ увидѣть прекрасный ensemble флигелей, сараевъ, конюшенъ. Мы упоминали уже о нѣкоторыхъ дворахъ (домъ на Мойкѣ, гдѣ дворъ съ арками); здѣсь приведемъ лишь еще нѣсколько примѣровъ. Дворъ дома на Мѣщанской, гдѣ помѣщается старѣйшая переплетная (Молина), очень типиченъ для картины быта и строительства Стараго Петербурга. Хороша въ этомъ домѣ и лѣстница. Напротивъ старинный домъ съ рѣдкими деталями въ стилѣ Louis XVI.

Дворъ дома № 1 по Демидову переулку особенно примѣчателенъ своимъ окномъ въ венеціанскомъ характерѣ.

Дворъ дома № 19 по 4-ой линіи (арка воротъ расписана кессонами) былъ прелестно украшенъ еще недавно статуей, стоявшей передъ гротомъ (въ вилѣ пиши), и все это проектировалось на фонѣ деревьевъ. Теперь ensemble нарушенъ: убрали статую, засохли деревья...

Дворъ дома № 8 по 8-ой ротѣ начала XIX столѣтія, дворъ дома на углу Садовой и Итальянской и многіе другіе дворы (Римско-Католической Академіи на 1-ой линіи) достойны ихъ описанія или, во всякомъ случаѣ, фотографическаго снятія или зарисовыванія.

Къ сожалѣнію, наши художники очень мало обращаютъ вниманія на эти подчасъ чудесные уголки Стараго Петербурга. А здѣсь сохраняется еще столько чертъ угасшаго быта, и когда послышатся унылые звуки шарманки—такъ и вспоминаются сцены и герои эпохи Гончарова, Писемскаго или Крестовскаго.

Не менѣе, а часто даже болѣе интересны домики-особнячки деревянные. Архитектурно мало чѣмъ отличаясь отъ каменныхъ, они всегда могутъ быть охарактеризованы небольшими размѣрами и формами болѣе уютными, чѣмъ каменные. Они разбросаны по всѣмъ районамъ столицы: и въ Ротахъ, и на Васильевскомъ, и на Набережныхъ, и на глухихъ улицахъ (Малый проспектъ Петербургской стороны), равно какъ и на самыхъ шумныхъ можно часто встрѣтить такіе деревянные особнячки. Не мало ихъ погибло за послѣдніе годы; на нашей памяти еще существовало много такихъ чудесныхъ домиковъ. Огромные 6-ти-этажные дома стоятъ уже теперь на ихъ мѣстѣ.

Укажемъ лишь на нѣкоторые. Домъ на Нижегородской улицѣ противъ Боткинской напоминаетъ погибшій на 4-ой линіи. Подобныя же украшенія изъ сочныхъ аканѳовъ украшаютъ его фризъ (что за чудная рѣзьба изъ дерева была въ старину). Въ артиллерійскомъ переулкѣ, на Троицкой улицѣ, уголъ Графскаго переулка (оригиналенъ домъ съ куполомъ), на Каменноостровскомъ (погибающій домъ на углу Песочной улицы), на Клинскомъ проспектѣ и на Кабинетской улицѣ (все трактиры), на Николаевской улицѣ (близъ Звенигородской, у манежа—домъ, обложенный кирпичемъ), на Можайской, Верейской, на Загородномъ (домикъ, спрятавшійся въ чащѣ деревьевъ за высокимъ заборомъ), на Маломъ проспектѣ Петербургской стороны (отличный по композиціи, по пропорціямъ и по рисунку пилястръ), на Петербургской набережной (съ колоннами отъ земли), на 8-ой Рождественской (близъ угла Греческаго,) на 9-ой Ротѣ, на Полозовой (№ 11), Бармалѣевой, Шамшевой, Красносельской (№ 10), на Лиговкѣ (особнякъ съ палисадникомъ)—всюду еще существуютъ, но доживаютъ уже послѣдніе годы эти бѣдныя реликвіи Петербурга 30-хъ, 40-хъ и даже 20-хъ годовъ XIX столѣтія.

Много такихъ уютныхъ особняковъ занято нынѣ большею частью уже трактирами, сапожными и слесарными мастерскими. А когда-то это были чистые домики, служившіе жилищемъ отдѣльному, болѣе или менѣе зажиточному семейству. Но немного уцѣлѣло такихъ деревянныхъ особнячковъ, которые служатъ своему прежнему предназначенію. Это по большей части дачи и усадьбы, описанныя, напримѣръ, Писемскимъ.

Къ такимъ отнесемъ прелестную дачу на Новодеревенской набережной: низенькій съ колоннами домикъ, прекрасно содер-

жавшійся до послѣдняго года. Но сейчасъ его «обшиваютъ» заново, подымаютъ ограду и вообще перестроѣкою старательно изгоняютъ поэзію прошлаго. Тамъ же, на набережной, дача Китнеръ уже измѣнена перестройкой балкона и прилѣпкой на аттикѣ всякихъ ненужныхъ, рѣзныхъ украшеній. Хорошія дачи на набережныхъ Строгановской и Выборгской.

Дача принца Ольденбургскаго—совсѣмъ выдающійся и особенный примѣръ усадебнаго деревяннаго строительства въ Старомъ Петербургѣ (въ такомъ родѣ лишь дача Зиновьева подъ Петербургомъ на Невѣ и много усадебъ въ Сѣверной Россіи).

Прекрасный мощный куполъ на барабанѣ и портикъ изъ дорическихъ колоннъ изобличаетъ первокласснаго мастера. Дѣйствительно, дачу строилъ Стасовъ. Она уцѣлѣла въ неприкосновенномъ видѣ, вѣроятно, еще благодаря тому, что вотъ ужъ сколько лѣтъ въ ней никто не живетъ, и всѣ атрибуты жизни того времени остались нетронутыми, т.-е. такими, какими они были лѣтъ 30—40 тому назадъ. Не только вся мебель, люстры, картины, но и всѣ сонетки, лампы, игры сохранились въ немъ такъ, какъ будто жизнь остановилась въ 1850 годахъ и—снова двинулась нынѣ.

Кромѣ дачи принца Ольденбургскаго и деревяннаго Екатерингофскаго дворца (къ сожалѣнію, дошедшаго до послѣдней степени разрушенья), на Петровскомъ островѣ еще недавно можно было указать на запустѣлый дворецъ, построенный въ свое время Ринальди. Но онъ сгорѣлъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ.

Уцѣлѣла чудесная дачка на Сердобольской улицѣ близъ Языкова переулка. Наверху она украшена фонаремъ—ротондой изъ колоннокъ. Бесѣдку въ саду, очутившуюся близъ вѣтки Приморской желѣзной дороги, постигла печальная судьба.

Хороша еще дача близъ Большой аллеи на Каменномъ островѣ и на Песочной улицѣ на Аптекарскомъ островѣ.

6.

Первоначальныя церкви Петербурга были деревянными. Но какъ удивительна судьба! Петровскій дворецъ сгорѣлъ. Равно сгорѣлъ и Троицкій соборъ. Конечно, онъ почти не сохранилъ своихъ первоначальныхъ частей, былъ, несомнѣнно, перестроенъ, но, все-таки, общія формы его были типичны для первоначальныхъ барочныхъ церквей Петербурга. Петропавловскій соборъ, обвѣянный стариной, гармоничный Казанскій—chef d'oeuvre архитектуры Воронихина—прекрасныя церкви. Андреевскій соборъ, церковь Николы Морского и другіе барочные храмы XVIII столѣтія, ампирные—Скорбящей Божьей Матери, построенный Русска съ отличною колоннадою внутри, п. Знаменія (Демирцевъ), Единовѣрческая церковь, Католическіе костелы—Св. Екатерины, Св. Станислава (съ курьезными наличниками нишъ, подымающимися отъ земли), Евангелическія церкви на Фурштадтской (Фельтенъ) и на Большомъ проспектѣ Васильевскаго острова (Ринальди), Смольный монастырь съ замѣчательнымъ Растрелліевскимъ соборомъ, Александро-Невская Лавра со Старовскимъ соборомъ и рядомъ построекъ Трезини и другихъ архитекторовъ первыхъ строительныхъ эпохъ существованія Петербурга—всѣ эти сооруженія достаточно популярны, чтобы останавливаться на нихъ. Упомянемъ лучше о такихъ храмахъ, которые извѣстны нѣсколько менѣе. Напримѣръ, многіе ли бывали въ прекрасной домовой церкви въ Пажескомъ Корпусѣ или въ Мальтійской капеллѣ (тамъ же), построенной Гваренги? А церковь, построенная Витбергомъ въ домѣ, нынѣ занятомъ Министерствомъ Внутреннихъ Дѣлъ? Чудесна и Гварен-

гіевская церковь въ домѣ Почтамта, съ особенно красивымъ, поражающимъ своей гармоніей, аванъ-заломъ. Очень хороша церковь въ Инженерномъ замкѣ. Гармонична и церковь въ Академіи Художествъ. Видѣли ли всѣ чудесную часовенку на Тучковой набережной, у таможни? Или часовню при больницѣ Св. Маріи Магдалины? Между тѣмъ, какъ первая почти античный храмикъ по архитектурѣ, такъ и вторая—почти безъ отверстій, лишь съ урнами въ нишахъ, — представляютъ не малый интересъ.

Многіе ли заходили въ Троицкій или Преображенскій соборы, любовались чудесными колоннадами, люстрами, иконостасами? Мы уже не говоримъ о такихъ отдаленныхъ церквахъ, какъ церковь Св. Ильи на Пороховыхъ, или даже Козьмодемьяновская церковь на углу Обводнаго и Лиговки, съ импозантной, идущей двумя полукружіями, колоннадою. Очень оригинальна внутренность Армянской церкви (Фельтенъ), церковь Литовскаго замка (погибла 28 февраля), Конюшеннаго дома (Стасовъ). Отличны нѣкоторыя церковныя ограды. Конечно, у Смольнаго монастыря, съ башенками по угламъ, одна изъ лучшихъ.

Но особенно великолѣпна рѣшетка Казанскаго Собора. Недавно лишь спасена она отъ гибели, на которую обрекли рѣшетку, главнымъ образомъ, управители Николаевскаго Сиротскаго Института, обившіе рѣшетку желѣзными листами. Вѣдомство Учрежденій Императрицы Маріи, сдавшее часть сквера подъ садоводство и фотографіи, также повинно было въ вандализмѣ. Но наглость хозяевъ этихъ заведеній, построившихъ теплицы вдоль рѣшетки, особенно содѣйствовала тому, что рѣшетка стала разрушаться и долгое время почти не была видна со стороны Казанской улицы.

Между тѣмъ, это одно изъ лучшихъ сооруженій такого рода. Воронихинское твореніе не имѣло себѣ подобнаго по композиціи: первоначально предполагалась здѣсь открытая площадь для экипажей. Рѣшетки Лѣтняго сада (Фельтенъ), привлекавшія издавна вниманіе и заѣзжихъ людей, Юсупова сада, съ очень красивыми изображеніями вазочекъ съ цвѣтами, Смольнаго монастыря меркнутъ по сравненію съ этой.

Далѣе отмѣтимъ рѣшетку дворца графа Шереметева (Корсини)—пышную, барочную, съ импозантными воротами, украшенную гербомъ. Изъ рѣшетокъ, являющихъ нынѣ случайный характеръ,—интересна находящаяся на Екатерининскомъ каналѣ, она же выходитъ на Казанскую; это—металлическая, съ красивымъ орнаментомъ и поставлена на высокую ограду.

Но особенно роскошна рѣшетка передъ фасадомъ собора Смольнаго Собора, почти фантастическое великолѣпіе являетъ она на фонѣ Растрелліевскаго храма.

Противъ Государственнаго Банка со стороны Садовой улицы ограда изъ столбовъ съ прелестными рѣшетками между ними. Еще интереснѣе ограда Банка по Екатерининскому каналу; рѣшетки въ аркахъ, а въ серединѣ родъ колоннады.

Мы упоминали уже объ оградѣ Кушелевой дачи на Охтѣ—львы, держащіе цѣпи, великолѣпно выдѣляющіеся на фонѣ зелени сада.

Также прелестны рѣшетки перилъ мостовъ. Особенно красивы рѣшетки Верхне-Лебяжьяго моста (пальметты), Театральнаго и Конюшеннаго на Екатерининскомъ каналѣ, Большого Конюшеннаго моста на Мойкѣ и многихъ другихъ. Рѣшетка Головинскаго моста очень красива, но, кажется, лишь средняя часть ея старинная. Мостъ у Нарвскихъ воротъ также украшенъ хорошей рѣшеткой.

Но еще лучше самые мосты.

Конечно, единственные въ своемъ родѣ примѣры: мосты Цѣпной (нынѣ Пантелеймоновскій) и Египетскій—исчезли навсегда, но украшаютъ еще Фонтанку мосты съ башнями Чернышевъ, Калинкинъ (хоть и перестроенный цѣликомъ), пѣшеходный Банковскій и Львиный; интересны каменные мосты (на Гороховой). Нѣкоторые украшены еще до сихъ поръ пирамидами (мосты у Обуховской больницы, на Гороховой, на Крюковомъ каналѣ) и фонарями.

Отдѣльно поставленные фонари хороши были на Николаевскомъ мосту (нынѣ они у Лѣтняго сада); у Троицкаго моста поставлены нынѣ старинные фонари съ кронштейнами. (Фонари на Пантелеймоновскомъ мосту и на Полицейскомъ—единственное, новое въ этомъ родѣ строительство, заслуживающее упоминанія).

Наконецъ, верстовые столбы и знаки (пирамиды)—нынѣ въ разросшемся сильно Петроградѣ, оказавшіеся чуть не въ центрѣ города, когда-то обозначавшіе разстояніе до ближайшихъ почтовыхъ станцій. Такіе знаки сохранились на Забалканскомъ проспектѣ у Константиновскаго училища, на углу Забалканскаго и Седьмой роты и даже оказались во дворахъ нѣкоторыхъ домовъ.

Къ сожалѣнію, почему-то часто нещадно отбиты верхнія части этихъ уличныхъ фонарей и столбовъ и торчатъ лишь куски кронштейновъ. Такое безобразное отношеніе къ дѣлу со стороны хозяевъ города не должно бы было имѣть мѣсто больше, особенно теперь, при новыхъ условіяхъ самоуправленія, при оцѣнкѣ всего этого какъ народнаго достоянія. Пора отнестись съ чувствомъ большей любви къ столицѣ, пора гордиться ея цѣнностями, пора начать борьбу съ упадкомъ ея вида за послѣднія лѣтъ десять. Къ счастью, дни уличной борьбы миновали довольно благополучно для Стараго Петербурга. Революціонная толпа

сожгла только «Окружный Судъ» и «Литовскій замокъ», а десятки домовъ, въ которыхъ помѣщались участки, не представляли интереса. Да и упомянутыя зданія мало пострадали отъ пожара. Выгорѣла лишь вся внутренность, въ этомъ смыслѣ жалко сгорѣвшей церкви въ Замкѣ. Но Окружный Судъ возстановить можно вполнѣ просто: стѣны его и ихъ украшенія почти не попорчены.

Хуже обстояло дѣло въ отношеніи государственныхъ гербовъ на фасадахъ зданій. Въ началѣ движенія толпа, не разбираясь по существу, требовала удаленія орловъ, какъ бы и гдѣ бы они ни находились, и удаляя совершенно резонно ихъ съ аптекъ и вывѣсокъ «поставщиковъ двора», не разбираясь въ деталяхъ,—сняла или разрушила изображенія гербовъ съ Пажескаго Корпуса, экипажнаго зданія (на Захарьевской), Инвалиднаго дома на Каменномъ островѣ, Кавалергардскихъ казармъ, Мраморнаго дворца и нѣкоторыхъ другихъ. Причемъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ, какъ, напр., Мраморный дворецъ пострадалъ безвинно: орелъ, украшавшій его аттикъ—былъ гербомъ рода графовъ Орловыхъ, родоначальнику котораго Екатерина подарила этотъ дворецъ. Надо думать, что впредь и подобные эксцессы, направленные противъ реликвій прошлаго, не будутъ имѣть мѣста.

Мы окончили нашъ приблизительный и бѣглый обзоръ старины Петербургской. Мы разсмотрѣли лишь нѣкоторые уголки старины, лишь нѣкоторые элементы архитектурнаго пейзажа XVIII—XIX вѣковъ. Грустно становится при воспоминаніи о томъ, какъ эта картина еще недавно была болѣе красивой, болѣе цѣльной и даже болѣе опрятной. (Мы разумѣемъ то состояніе запустѣнія, въ какое еще до войны и съ каждымъ годомъ все сильнѣе приходитъ Петербургъ, напр., мостовыя времени 1840—60 годовъ и теперь; тротуары, набережныя—разваливаются, на мостахъ чугунные фонари—поломаны, заборы—покосились и т. д.).

Но и сейчасъ есть еще отдѣльныя мѣста, кварталы и особенно отдѣльныя постройки очень красивыя и, кромѣ того, подчеркивающія красоту всего того, что только ни сооружали въ былое время. Даже изъ упомянутаго матеріала можно составить себѣ представленіе о томъ интересѣ, который представляетъ собою обзоръ старины.

Мы не касались умышленно огромнаго числа первоклассныхъ извѣстныхъ сооруженій: обращать на нихъ вниманіе не приходится. А вѣдь Петропавловская крѣпость съ ея фортами, соборомъ, Монетнымъ дворомъ (Воронихинъ) и чудеснымъ домикомъ «Дѣ-

душки русскаго флота»—развѣ это не цѣльная страница исторіи и архитектуры? Здѣсь все—въѣздныя ворота, низкіе флигеля казармъ, ограда—дышитъ стариной. Затѣмъ изъ отдѣльныхъ построекъ не упомянуты многочисленные дворцы: на Дворцовой набережной, Елагинъ дворецъ, Лѣтній дворецъ въ Лѣтнемъ саду, полный обаянія искусства эпохи первой половины XVIII вѣка и притомъ великолѣпно сохранившій всѣ детали лѣпки и внутренняго устройства.

А импозантные дворцы въ родѣ дворца Юсуповыхъ на Мойкѣ, Каменноостровскаго дворца!.. Загляните внутрь этихъ дворцовъ, и вы будете поражены богатствомъ сохранившагося матеріала, великолѣпіемъ обработки залъ, плафоновъ, лѣстницъ. А театры Эрмитажный (Гваренги) и Александринскій — единственное въ этомъ родѣ сооруженіе въ мірѣ, выдержанное въ стилѣ Empire, а Публичная библіотека (какъ выиграла бы она въ свѣтлой, прежней окраскѣ), а Каменноостровскій театръ съ чуднымъ фронтономъ, заполненнымъ Смарагдомъ Шустовымъ атрибутами театральнаго искусства.

Въ этомъ краткомъ очеркѣ невозможно было бы даже перечислить всѣ дворцы, всѣ учрежденія! Окружный Судъ—прелестное и рѣдкостное сооруженіе въ стилѣ Людовика XVI (постр. Баженовымъ) съ чудной угловой обработкой (ниши), къ счастью, пожаромъ не попорченное. А церкви? Напримѣръ, Фельтеновская, Армянская, выкрашенная въ голубой съ бѣлымъ. А особняки? Да вотъ хотя бы чудный съ колоннами домъ на Полюстровской набережной! А гауптвахты у Московскихъ воротъ или у Новаго Адмиралтейства и даже такія части зданій, какъ дворы (Академіи Художествъ, Католической Академіи) или отдѣльные павильоны (Россіевскій въ Михайловскомъ саду), Кофейный домикъ въ Лѣт-

немъ саду—къ счастью, въ Современномъ Петроградѣ сохранилось еще столько старины, что перечислить всю ее составило бы предметъ обширнаго изслѣдованія.

Лицамъ, которыя заинтересуются въ большей степени Старымъ Петербургомъ, мы можемъ дать краткій перечень литературныхъ источниковъ по описанію нашей старины, т.-е. то, чего не даетъ собственно лучшій изъ имѣющихся пока современныхъ путеводителей по Старому Петербургу—Курбатова.

Прежде всего укажемъ на лучшаго знатока топографіи и исторіи строительства Петербурга—П. Н. Столпянскаго, написавшаго за послѣднія лѣтъ десять рядъ капитальнѣйшихъ очерковъ и статей, къ сожалѣнію, разрозненно появившихся въ печати въ журналахъ «Старые Годы», «Зодчій», но вышедшихъ частью и отдѣльными оттисками. («Очеркъ острововъ», «Старый Петербургъ и его историческій планъ», «Перузина» и др.).

Затѣмъ «Старые Годы» за десять лѣтъ даютъ не мало отдѣльныхъ статей о постройкахъ Петербурга (капитальнѣйшія: объ Адмиралтействѣ—Н. Лансере, о статуяхъ Лѣтняго сада—Курбатова, объ Инженерномъ замкѣ—Трубникова, о Биржѣ—Трубникова, о мостахъ—Тройницкаго).

Прекрасны статьи объ Александринскомъ театрѣ и Эрмитажномъ театрѣ въ «Ежегодникѣ Императорскихъ Театровъ»; много матеріала собрано въ «Художественныхъ Сокровищахъ Россіи». Отдѣльные очерки старины Петербургской (о домѣ Яковлева, о рѣшеткѣ Шереметевскаго дворца) въ журналѣ «Зодчій».

Значительнымъ подспорьемъ въ вопросахъ объ авторствѣ сооруженій можетъ служить безспорно прекрасно изданный альбомъ И. А. Ѳомина — «Историческая выставка архитектуры 1912 года».

Литература по Петербургской старинѣ, болѣе капитальная, можетъ быть вкратцѣ представлена слѣдующими главнѣйшими сочиненіями.

(Иностранцы начали описывать Петербургъ съ 1711 года; первый русскій историкъ появился въ 1759 году).

Богдановъ Андр. И. «Историческое, географическое и топографическое описаніе Санктъ-Петербурга отъ начала заведенія его съ 1703 года по 1751 годъ»—изданіе В. Г. Рубана.

1779 г. его же, дополненіе къ историческому описанію—1762 года, изданное въ 1903 году, изд. П. А. Ѳонина.

Георги (переводъ П. Х. Безака). «Описаніе столичнаго города Санктъ-Петербурга и достопамятностей въ окрестностяхъ онаго», въ трехъ частяхъ.

Свиньинъ П. П. «Достопамятники Петербурга», съ гравюрами Галактіонова (1816—1821).

Батуцкій А. П. «Панорама Петербурга». 1834—1839.

Арсеньевъ К. И. «Статистическія свѣдѣнія Санктъ-Петербурга».

Пушкаревъ И. И. «Описаніе Ст.-Петербурга и уѣздныхъ городовъ Санктъ-Петербургской губерніи». 3 ч. 1839—1841.

Его же. «Историческій указатель достопамятностей СПБ.». 1846 г.

Бурьяновъ. «Прогулка съ дѣтьми по С.-Петербургу». 1856 г.

Михайловъ И. «Описаніе Петербурга», изд. «Сѣвернаго Сіянія», Генкеля (съ гравюрами). 1861 г.

Карповичъ Е. «СПБ. въ статистическомъ отношеніи». 1865 г.

Петровъ П. Н. «Исторія Санктъ-Петербурга съ основанія города до введенія въ дѣйствіе выборнаго городского управленія 1703—1782 г.г.», изд. Глазунова. СПБ. 1885. XXIII (148—246 стр.).

Пыляевъ М. Н. «Старый Петербургъ» (нѣск. изданій).

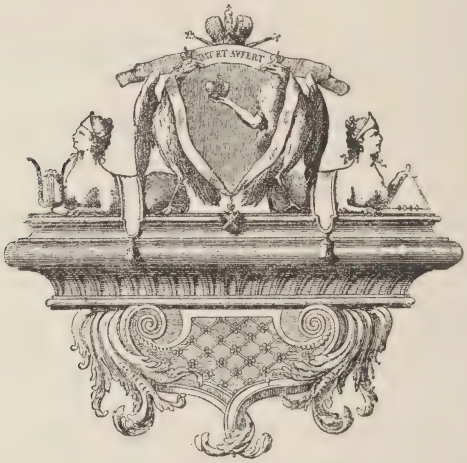
Пекарскій «Петербургская старина» («Современникъ» 1861).

Хотя мы приводимъ исключительно русскую литературу,—иностранныхъ источниковъ очень много, приведеніе ихъ всѣхъ составило бы предметъ особой науки—но одинъ изъ нихъ придется упомянуть,—это, въ частности, капитальнѣйшая книга:

Реймерсъ. «St.-Petersburg am Ende seines ersten Jahrhunderts». 1805.

Болѣе подробную литературу по исторіи зодчества Петербурга можно почерпнуть изъ указателей Межова, Сопикова, Ламбина.

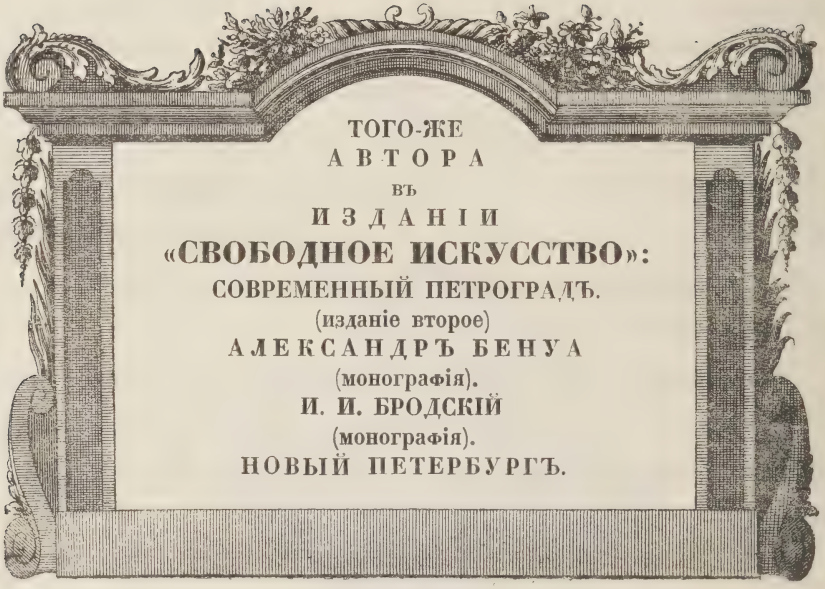
Старинныя гравюры разыскать можно у Ровинскаго (только работанныя русскими художниками).



Часть иллюстрацій въ книгѣ изготовлена по снимкамъ, сдѣланнымъ съ натуры самимъ авторомъ.

Нѣкоторыя иллюстраціи сдѣланы по фотографіямъ разныхъ лицъ, пожертвовавшихъ эти снимки «Музею Стараго Петербурга» (В. О. Кадетская линія, д. № 21), съ любезнаго разрѣшенія секретаря и хранителя котораго фотографіи эти и были предоставлены для настоящаго изданія.

Для украшенія книги использованы были виньетки съ плановъ С.-Петербурга 1744—1750 годовъ, также принадлежащихъ «Музею Стараго Петербурга» и изъ книги «St. Petersburg» Реймерса (1805).


ТОГО-ЖЕ
АВТОРА
ВЪ
ИЗДАНІИ
«СВОБОДНОЕ ИСКУССТВО»:
СОВРЕМЕННЫЙ ПЕТРОГРАДЪ.
(изданіе второе)
АЛЕКСАНДРЪ БЕНУА
(монографія).
И. И. БРОДСКІЙ
(монографія).
НОВЫЙ ПЕТЕРБУРГЪ.

БИБЛІОТЕКА ИЛЛЮСТРИРОВАННЫХЪ МОНОГРАФІЙ

СВОБОДНОЕ ИСКУССТВО

ВЫШЛИ И ПОСТУПИЛИ ВЪ ПРОДАЖУ ПЕРВЫЯ КНИГИ „БИБЛІОТЕКИ“:

В. СѢРОВЪ. Текстъ Вс. Дмитріева. Обложка А. Арнштама. Цѣна **2** р. **75** к.

СОВРЕМЕННЫЙ ПЕТЕРБУРГЪ Г. К. Лукомскаго (2-е изданіе). Ц. **4** р. **50** к.

СТАРЫЙ ПЕТЕРБУРГЪ Г. К. Лукомскаго (2-е изданіе). Ц. **4** р. **50** к.

ТВОРЧЕСТВО АКТЕРА И ТЕОРІЯ СТАНИСЛАВСКАГО— текстъ Ѳ. Коммиссаржевскаго. Ц. **4** р. **50** к.

Печатаются слѣдующія новыя изданія „Библіотеки“:

ЛІОТАРЪ—текстъ Александра Николаевича Бенуа.
ЧУРЛЯНИСЪ—текстъ Валеріана А. Чудовскаго.
И. Е. РѢПИНЪ—текстъ Б. П. Лопатина.
А. А. ГОЛОВИНЪ—текстъ Сергѣя Маковскаго.
И. М. МОСКВИНЪ—текстъ Ю. Соболева.
ЯПОНСКАЯ ГРАВЮРА—текстъ Н. Н. Пунина.
СОЛЬВЫЧЕГОДСКЪ—текстъ П. М. Макаренко.
СОВРЕМЕННАЯ МОСКВА—текстъ Сергѣя Глаголь.
СТАРАЯ МОСКВА—текстъ Н. Е. Бондаренко.

Въ каждой книжкѣ 40—60 иллюстрацій, отпеч. на мѣловой бумагѣ.

Адмиралтейство, спускъ къ Невѣ (вазы и львы перенесены; ограда съ рѣшеткой уничтожена).

Большой театръ (до первой перестройки его подъ зданіе Консерваторіи).

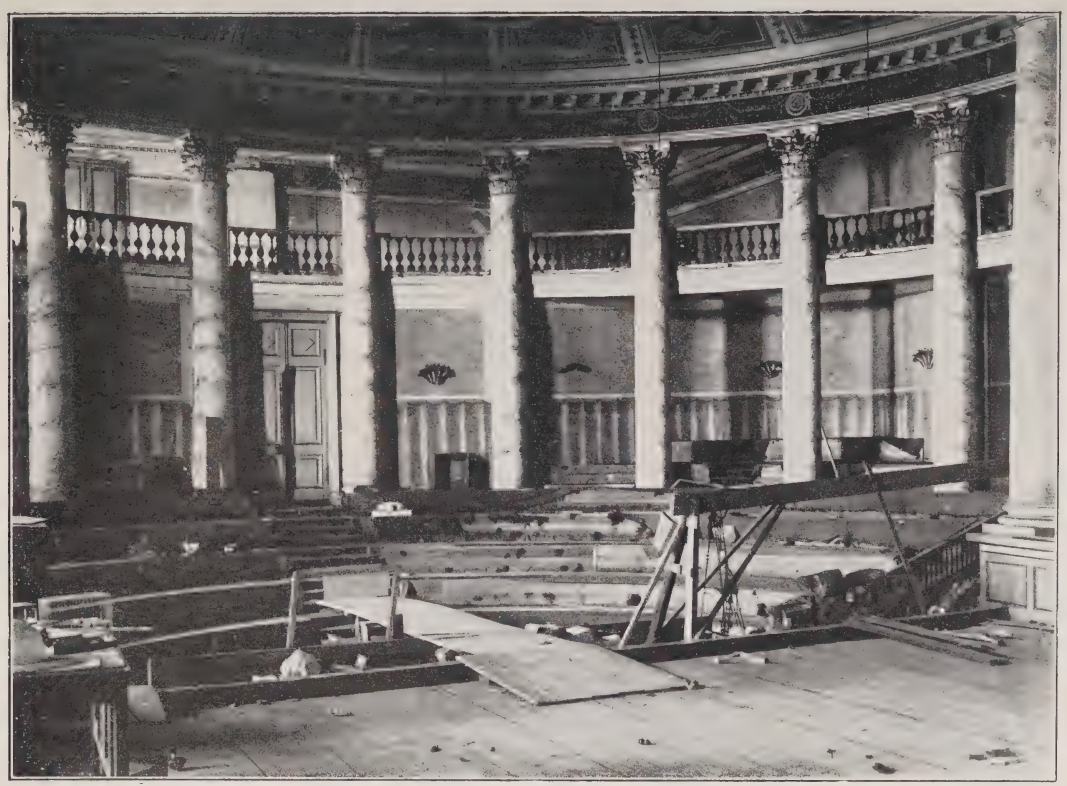
Маріинскій театръ (до послѣдней перестройки).

Императорская Академія Художествъ (до пожара; статуя уничтожена).

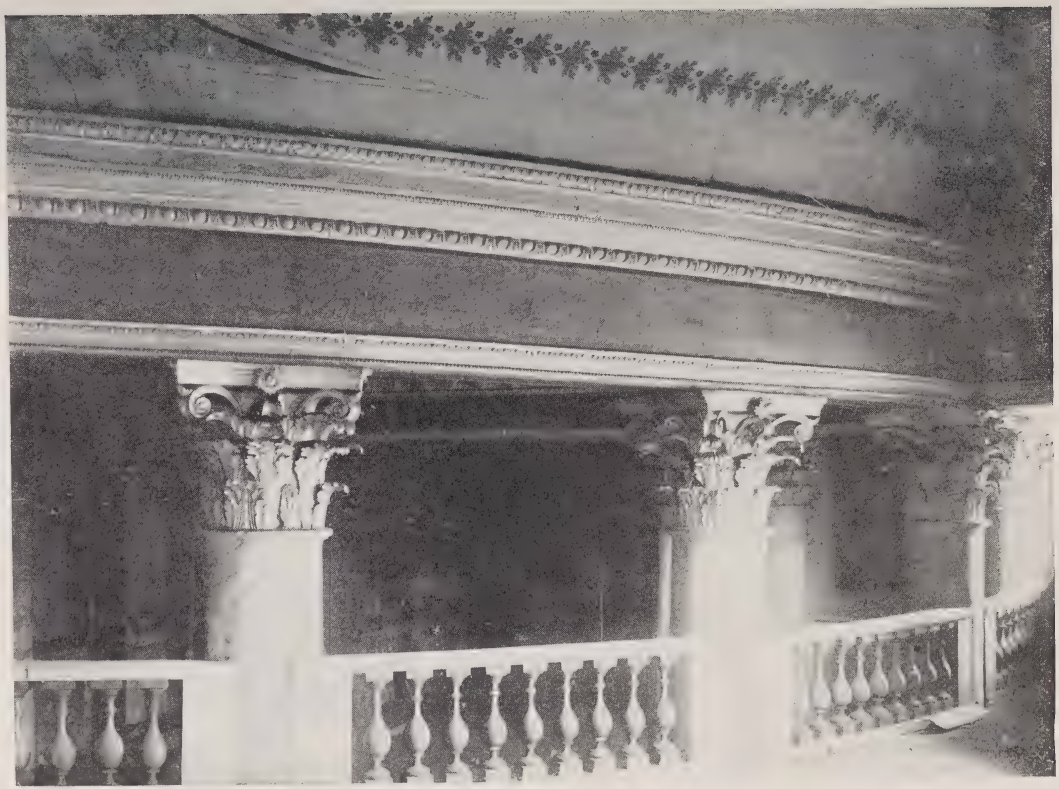
Старое зданіе Арсенала на Литейномъ пр. (до первой перестройки).

Технологическій институтъ (до перестройки).

Петровскій дворецъ (сіорѣлъ).



Театръ въ Таврическомъ дворцѣ перестроенъ подъ библіотеку Государственной Думы).



Обработка второго яруса театра Таврическаго дворца (уничтожена).

Домъ Яковлева на Фонтанкѣ (разрушенъ).

Особняки на Морской ул. (лѣвый снесенъ).

Тучкова набережная (въ торговое время) у Стараго Гостинаго двора (сломана).

Старый Гостиный Дворъ на Васильевскомъ Островѣ (разрушенъ).

Галлерея Стараго Гостинаго Двора на Вас. О-вѣ (сломана).

Часть аркады Стараго Гостинаго Двора (сломана).

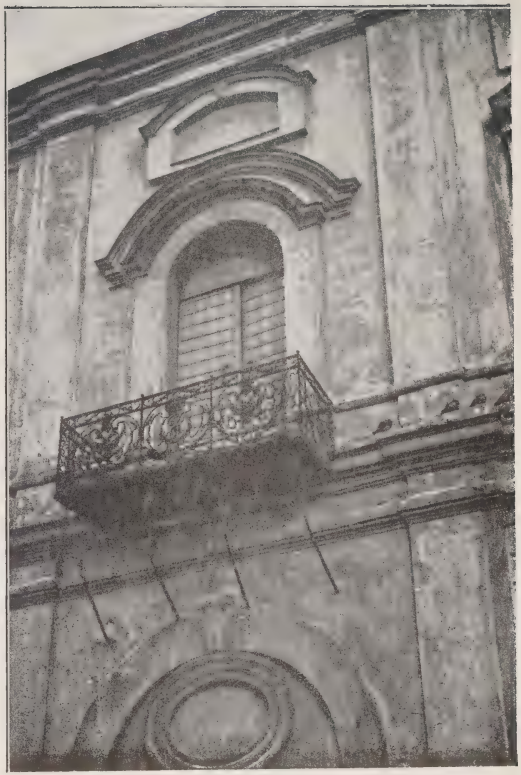
Дворъ Стараго Гостинаго Двора (начало сломки).

„Пеньковый“ (Тучковъ) буянъ. Видъ изъ-подъ арки у „Важни“.

Общій видъ „Пеньковаго буяна“ на Малой Невкѣ.

„Пеньковый (Тучковъ) буянъ“ отъ Тучковой набережной.

„Важня“ „Пеньковаго Буяна“.



Деталь „Важни“ „Пеньковаго Буяна“.

Михайловскій (Инженерный замокъ) въ 1870-хъ годахъ.

Биржа и Музей въ 1870-хъ годахъ

Александринская площадь въ 1870-хъ годахъ.

Зданіе б. Кабинета Е. И. В. (въ 1870-хъ годахъ).

Дача гр. Строганова у Черной рѣчки (сломана).

Домикъ на 4-й линіи Васильевскаго О-ва (сломанъ).

Фронтонъ Таможни.

Часть фасада бывш. Меньшиковскаго дворца.

Башня во дворѣ Константиновскаго Артиллерійскаго Училища.

Деталь пилона Инженернаго замка.

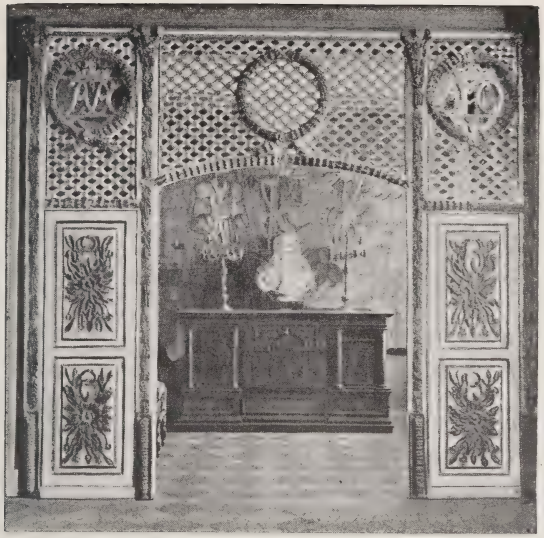
Вестибюль дворца графа Кушелева-Безбородко.

Гостинная въ д. на углу М. Морской и Невскаго (сломана).

Парадная лѣстница дома № 12 на Мойкѣ.

Вестибюль д. № 8, по 1-ой лин. Вас. О-ва.

Одна изъ комнатъ Воронихинской дачи (сломана).



Трельяжъ изъ коллекціи г-жи Боткиной.

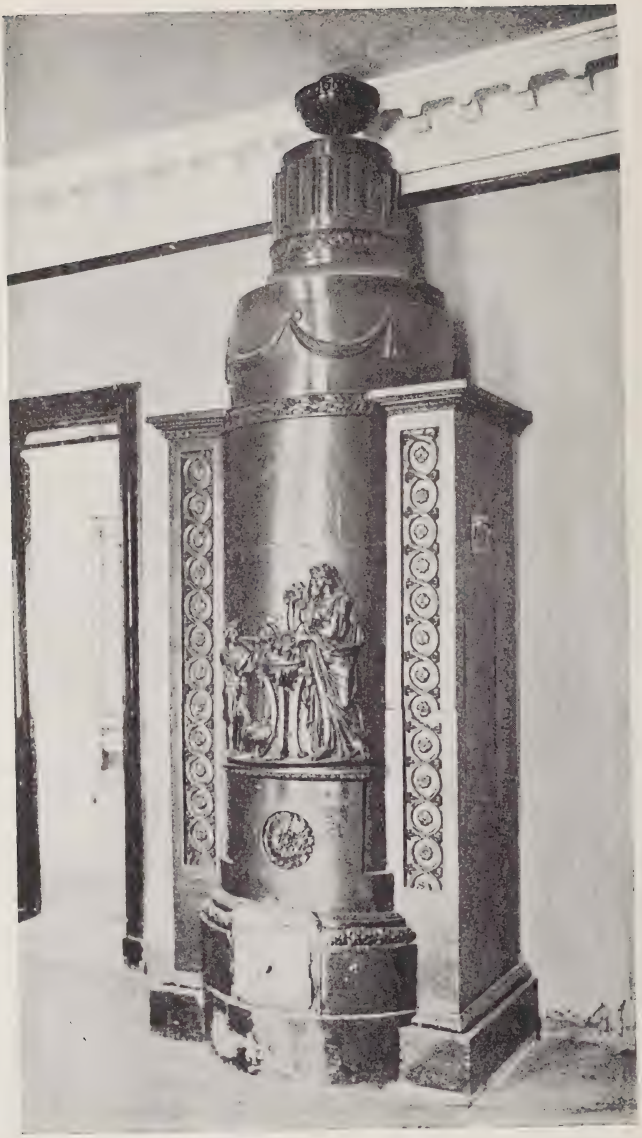
Каминъ въ д. 37 по 2 лин. Вас. О-ва.

Мальтійская Капелла быв. Пажескаго корпуса.

Мальтійская капелла въ быв. Пажескомъ корпусѣ.

Плафонъ церкви въ домѣ б. гр. Кушелева-Безбородко (нынѣ Почтамтъ).

Роспись театра въ Таврическомъ дворцѣ (уничтожена).



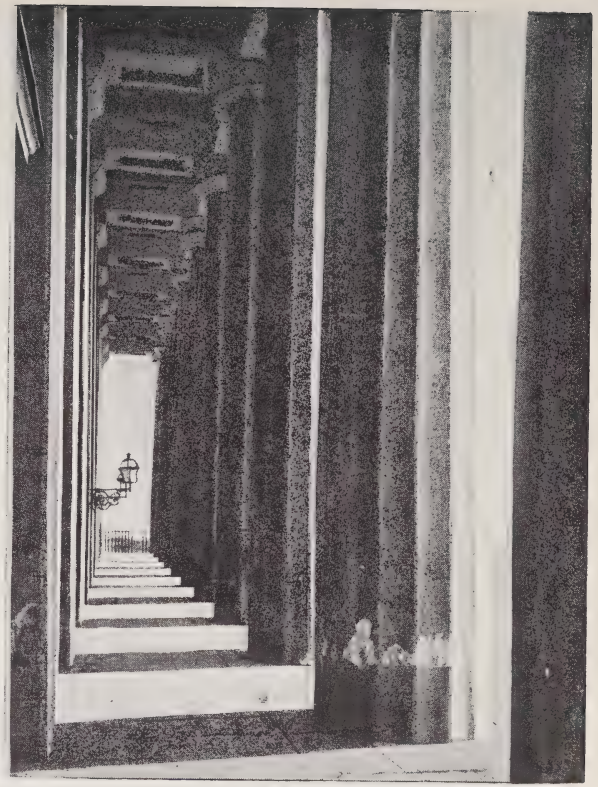
Печь въ д. Вавельберга, уг. ул. Гоголя и Невскаго пр. (сломана).

Печь въ д. № 70 по Фонтанкѣ.

Горный Институтъ. Ворота во внутреннемъ дворѣ.

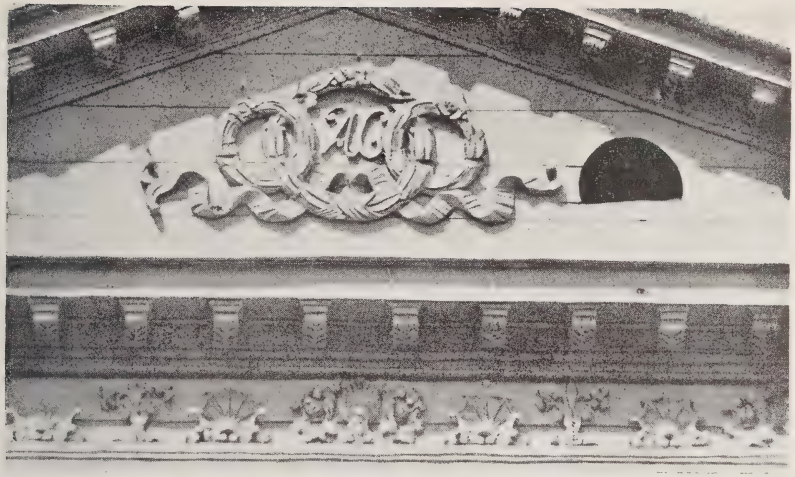
Горный Институтъ. Украшенія входа.

Похищеніе Прозерпины у Горн. Института.

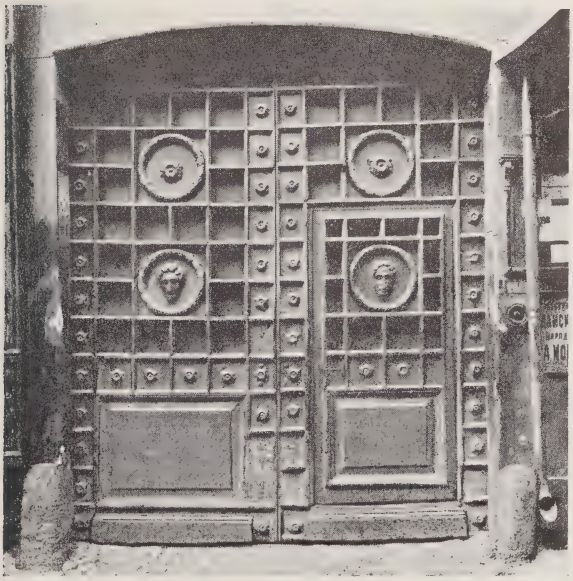


Колоннада Горнаго Института.

Сфинксы во дворѣ на Можайской улицѣ.



Деталь дома № 46 на Калашниковской наб., 46.

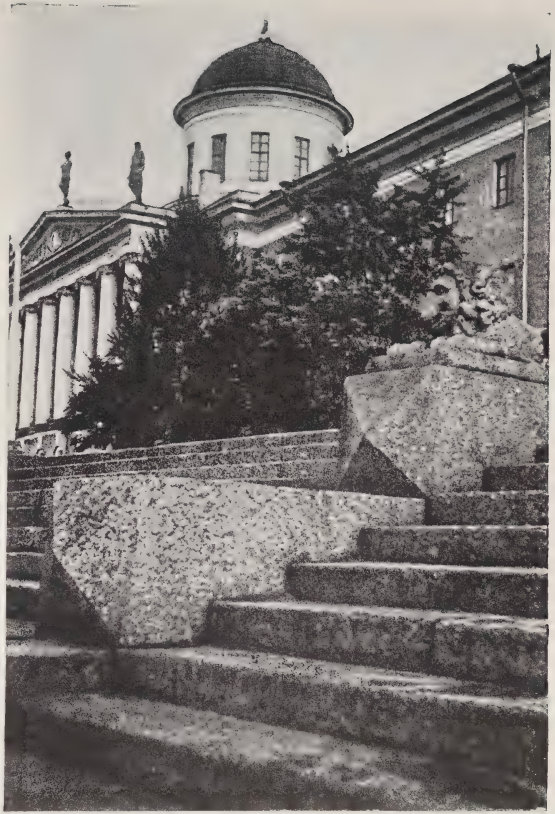


Ворота дома насл. Артемьева.

Инженерный замокъ отъ Лѣтняго сада.

Особнякъ гр. Бобринскаго и ограда (Адмиралт. каналъ).

Фасадъ Николаевскаго Сиротскаго Института со стороны сада.



Лѣстница на набережной у Таможни.

Зданіе казармъ Л.-Гв. Павловскаго полка.

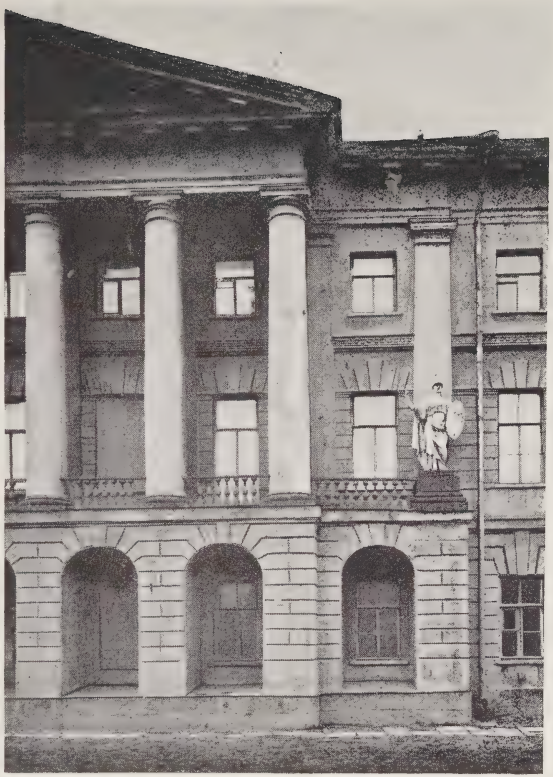
Театральная улица.

Зданіе Горнаго Департамента у Биржи.

Часовня у Главн. Управленія Неокл. Сбор. на Вас. О-вѣ.

Одинъ изъ флигелей Государственнаго Банка.

Церковь на Большомъ просп. Вас. О-ва.



Кавалергардскія казармы (Шпалерн. ул.).

Порталъ Римско-катол. костела на Невскомъ пр.

Рынокъ въ Щепяномъ переулкѣ у Крюкова канала.

Товарные амбары на Калашниковской набережной.

Склады Елисѣева въ Биржевомъ переулкѣ.

Провіантскіе магазины на Обводномъ каналѣ.

„Перинная линія“ у Городской Думы.

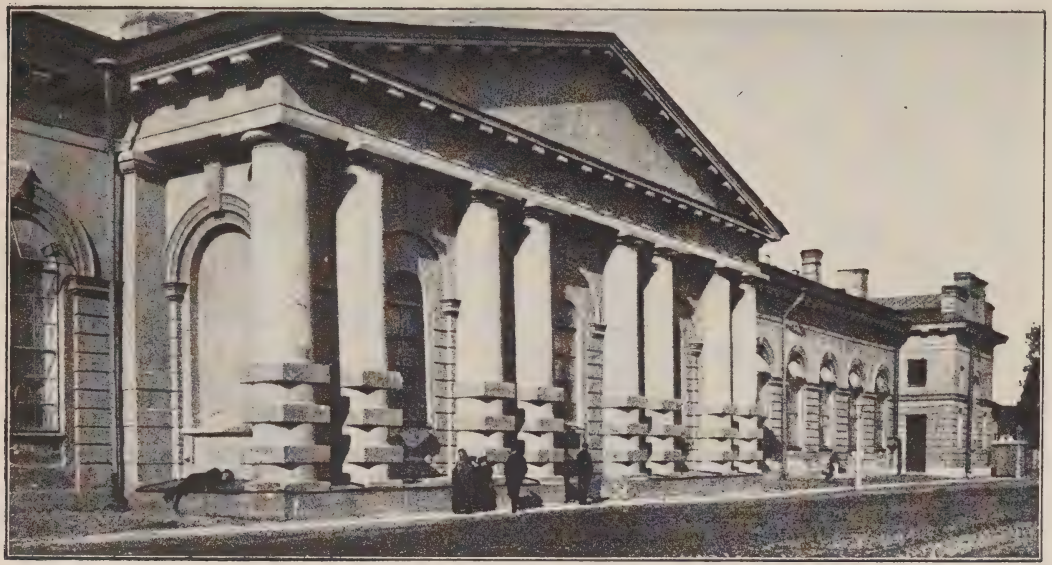
Андреевскій рынокъ на Васильевскомъ Островѣ.

Фасадъ Горнаго Института.

Фасадъ больницы Маріи Магдалины на 1-ой линіи В. О.

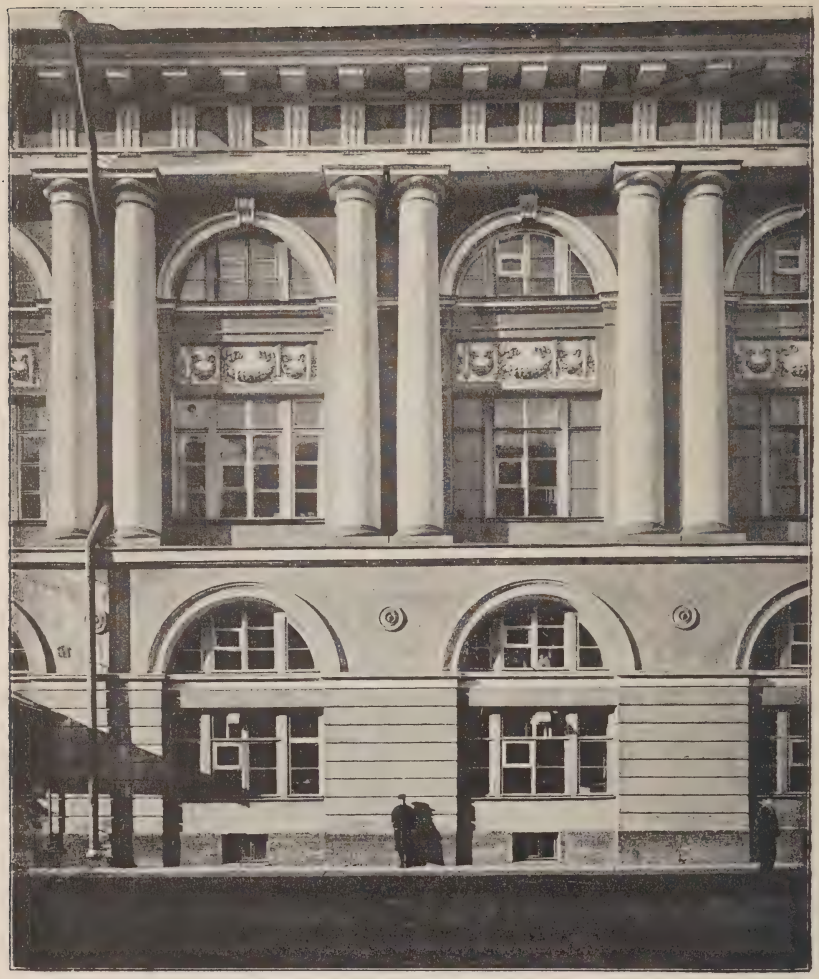
Театръ на Каменномъ островѣ.

Манежъ Второго Кадетскаго Корпуса на Ждановской набережной.



Манежъ Кавалергардскаго полка.

Невскій пр. д. 86, кн. Юсупова.



Часть зданій по Театральной улицѣ.

Дворъ дома въ Демидовомъ переулкѣ.

Адмиралтейскій каналъ, д. № 11, Каменевой.

Домикъ на набережной Екатерининскаго канала.

Кирочная ул. д. № 19, б. Шустиной.

Ограда дома на 3-ей линіи у Большого проспекта Вас. О-ва (перестроена).

Фонтанка, д. № 95, Болотовой.

Деталь дома на Фонтанкѣ № 99.

Домъ на Мойкѣ № 12.

Домъ на Фонтанкѣ, № 19.

Колтовская набережная, д. Глухонѣмыхъ.

Дача б. герц. Ольденбургскаго на Каменномъ островѣ.

Ограда и ворота особняка гр. Бобринскаго на Галерной улицѣ.

Особнякъ гр. Бобринскаго на Галерной улицѣ.

Рѣшетка и фасадъ бывш. дворца гр. Кушелева-Безбородко на Охтѣ.

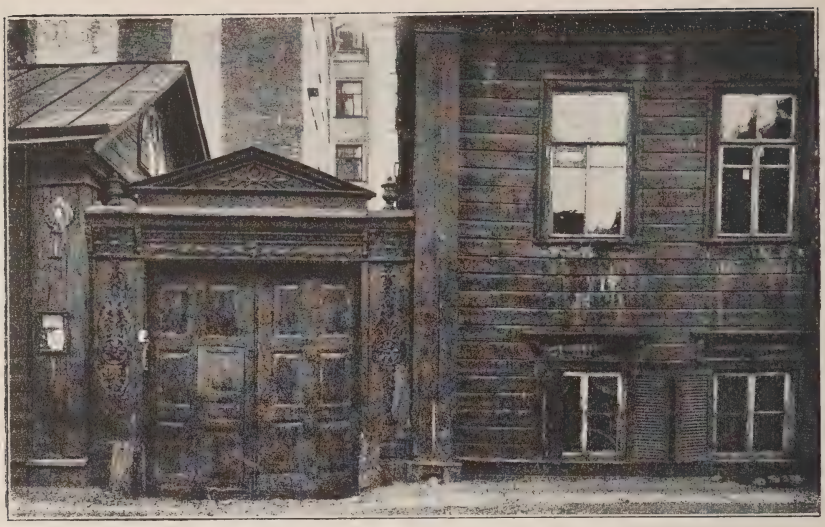
Ограда и ворота бывш. дачи гр. Кушелева-Безбородко на Охтѣ.

Особнякъ на Каменноостровскомъ пр.

Каменноостр. пр., д. 47 Мельцера.

Трактиръ „Бережки“ за Нарвской заставой.

Старый домикъ въ Манежномъ переулкѣ (сломанъ).

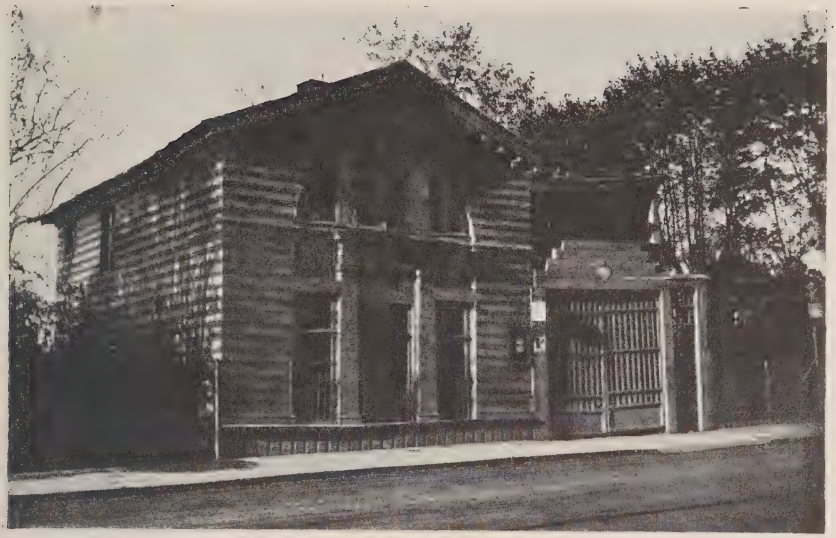


Старый домикъ и ворота въ Упраздненномъ переулкѣ.

Домикъ на Ивановской улицѣ.

Старый домикъ на 8-й ротѣ Измайловскаго полка.

Особнячекъ на Маломъ проспектѣ Петербургск. стороны.



Флигель дома на Каменноостровскомъ проспектѣ.

Дача на М. Спасской улицѣ.

Бесѣдка дома гр. Бобринскаго на Адмиралт. кан.

Бесѣдка бл. Сердобольск. ул. въ Новой Дер. (сломана).

Крытый балконъ по Кузнечному пер., д. № 2.

Домъ Насл. адм. Тилнина, В. О., 2 л., № 37. Павильонъ (нынѣ прачешная).

Старинный фонарь у Троицкаго моста.

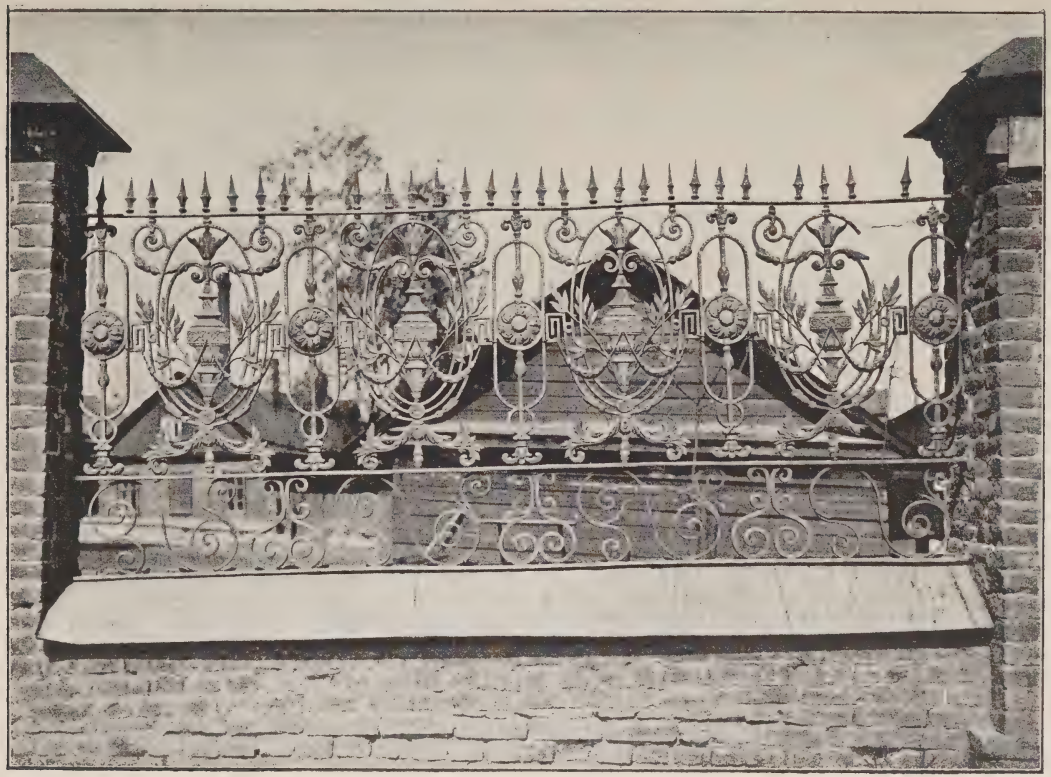
Верстовой столбъ на Забалканскомъ пр.

Большой Конюшенный мостъ.

Зданіе Дворцовыхъ конюшенъ отъ Мошкова пер. и Конюшенный мостъ.

Рѣшетка у Смольнаго монастыря.

Рѣшетка Казанскаго собора.

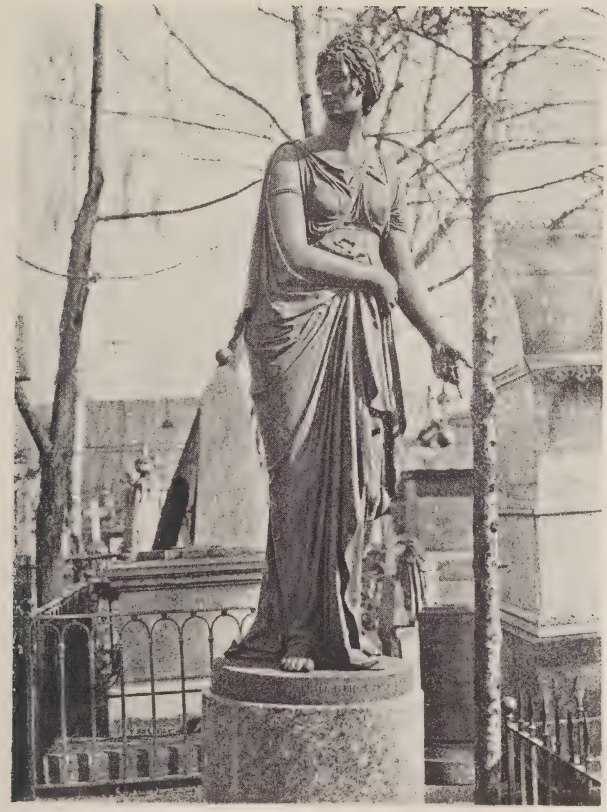


Рѣшетка у Головинскаго моста на Черной рѣчкѣ.

Мостъ у Нарвскихъ воротъ.

Рѣшетка Лѣтняго сада.

Ворота дворца гр. Шереметева на Фонтанкѣ.



Памятникъ на Лазаревскомъ кладбищѣ.

Надгробный памятникъ гр. П. К. Разумовскаго и его жены на Лазаревскомъ кладбищѣ.

Памятникъ Е. С. Куракиной на Лазаревскомъ кладбищѣ.

Надгробный памятникъ на Лазаревскомъ Кладбищѣ.

Памятникъ М. М. Козловскому на Смоленскомъ кладбищѣ.

Памятникъ Антонову на Смоленскомъ кладбищѣ.

Памятники Алейщиковыхъ и Шемякиныхъ на Лазаревскомъ кладбищѣ.

Надгробный памятникъ.

ми 18190/85

Л
61-2

40 —
437501
1284

80

[illegible] МАГАЗИНЪ
ИВ. ИВ. МИТЮРНИКОВА.
Петроградъ. Литейный пр., 31.

Цѣна 6 руб.